

КОЛЕСО
УБИЙСТВ

ТОМ МИД

ЯДОВИТЫЙ ДЕТЕКТИВ

Том Мид

Колесо убийств

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.111-31
ББК 84(7Сое)-44

Мид Т.

Колесо убийств / Т. Мид — «Издательство АСТ»,
2023 — (Ядовитый детектив)

ISBN 978-5-17-158288-3

Лондон. 1938 год На колесе обозрения совершено убийство, а единственная подозреваемая — жена жертвы — категорически отрицает свою вину, несмотря на неопровержимые улики против нее. Эдвард Иббс — молодой адвокат, берется за ее дело. Углубляясь в него, Иббс невольно попадает в темную паутину заговора и убийств. Ведя расследование, Иббс сталкивается с еще двумя совершенно невероятными преступлениями и сам оказывается в опасности. Сперва прямо на сцене театра во время выступления появляется труп, затем в запертой гримерке за кулисами убивают знаменитого иллюзиониста. Но тут в игру вступает отставной фокусник Джозеф Спектор, способный раскрыть любой обман. Однако будут ли его дедуктивные способности достаточно сильны, чтобы понять эту запутанную серию преступлений и спасти Иббса?

УДК 821.111-31

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-158288-3

© Мид Т., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Действующие лица:	6
Часть первая	7
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	30
Часть вторая	36
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Том Мид

Колесо убийств

Tom Mead

THE MURDER WHEEL: A Locked-Room Mystery

Печатается с разрешения Penzler Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg

Серия «Ядовитый детектив»

Перевод с английского Винсента Фельдмана
Оформление обложки Екатерины Андреевой

© 2023 by Tom Mead

© Фельдман М., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Мир хочет быть обманутым, так давайте обманем его.
Роберт Бёртон,
«Анатомия меланхолии» (1621 год), часть III, раздел IV

Действующие лица:

В Гранатовом театре:

«Профессор Паолини», маг
Марта, его ассистентка
Сидни Дрейпер, постановщик
Кеннет Фабрис, работник сцены
Макс Туми, двойник
Альф, швейцар
Уилл Коуп, светооператор
Эндрю Морган, журналист
Нед Винчестер, нарушитель

Прочие:

Эдмунд Иббс, адвокат
Тит Пилгрим, преступник
Мистер Киган, его человек
Мистер Бреннинг, его человек
Карла Дин, вдова
Доминик Дин, управляющий банка (покойный)
Феликс Дрейвен, заместитель управляющего банка
Моди Кэш, кассир
Миклош Варга, работник ярмарки
Бойд Ремистон, подозрительный персонаж
Джордж Флинт, инспектор полиции
Джером Хук, сержант полиции
Джозеф Спектор, профессиональный фокусник

Часть первая

Кто-то наблюдает

Независимо от того, насколько велика или мала иллюзия, следует помнить одно: ваши зрители перед вами. Там им и следует быть.
«Мастер манипуляций»,
«Размышления»

В магическом шоу ничто не должно оставаться на воле случая. Всё, что создаёт таинство иллюзии, должно быть устроено с заботой и кропотливо продумано.
Дэвид Девант

Глава 1

«Можете ли вы раскрыть дело об убийстве на чёртовом колесе?»

Всё началось с книги. Если бы не книга, всего остального не случилось бы. Во всяком случае, так убедил себя Иббс, когда всё уже кончилось. Хотя, говоря откровенно, это кошмарное дело, каждая его грань, было организовано столь аккуратно, что казалось ничем иным, как безукоризненной ловкостью рук. Ловкостью рук, обманывающей зрение. Но в то же время в ней присутствовала безумная, сюрреалистичная логика, которая встречалась разве что в самых ясных из лихорадочных снов.

Иббс не верил в магию. Однако смертоносная и кровавая комедия ошибок, разыгравшаяся в ту ночь в Гранатовом театре, не возымела бы того же успеха, если бы её спланировал и осуществил какой-то озорной невидимка. Дерзкий обманщик, без усталости смеющийся над его неудачами.

Это случилось в пятницу, 16 сентября 1938 года: в этот день боги сыграли злейшую из своих шуток с Эдмундом Иббсом.

Но сперва книга.

Утро было многообещающим: в дверь его квартиры постучали. Он занимал верхние комнаты в Ченсери-Лейн, неподалёку от судебных гостиниц центрального Лондона. Хотя ему ещё не исполнилось и тридцати, прошлым летом он закончил юридический факультет и теперь считался полноценным адвокатом. Как и все новички, он терпел насмешки от своих коллег и часто оказывался завален утомительной бумажной волокитой и скучными бюрократическими обязанностями. Но он не допускал волнения на этот счёт. На самом деле, он считал происходящее обрядом посвящения. Несомненно, все проходили через подобное в своё время, и сейчас настала его очередь.

За дверью оказался пожилой портье Ланкастер, грузный и бесстрастный, словно пинта «Гиннеса». Он держал посылку.

– Доброе утро, мистер Иббс, сэр.

– Как жизнь, Ланкастер? Принёс мне что-то?

– Какую-то книгу, сэр.

Взяв её, Иббс ощутил тяжесть собственной ладонью. Он едва успел попрощаться и снова закрыть дверь, прежде чем приняться разрывать упаковочную бумагу. Обрывки лениво осыпались на пол, пока он рассматривал книгу в оконном свете. Пропечатанное рельефом название захватило внимание: «Мастер манипуляций».

Он почти что ощущал чудотворную силу книги, струящуюся по его рукам от кончиков пальцев. «Но это всего лишь книга, – напомнил он себе, – только слова на бумаге». Истинной причиной его чувств был всплеск адреналина, переполнивший его волнительное предвкушение.

Впервые услышав о «Мастере манипуляций», Иббс сразу решил, что нуждается в копии. Подобный товар нельзя было достать у обычных книготорговцев, но у него был свой человек в Марилибоне, способный разыскать и куда более эксцентричные экземпляры и готовый доставить книгу уже на следующий день после её публикации.

Профессиональный юрист Эдмунд Иббс был увлечённым фокусником-любителем. Или, если использовать более лаконичное выражение, иллюзионистом. Когда он только услышал об этой книге на собрании Лондонского сообщества оккультных практик (профессиональной организации, на удивление дружелюбной к любителям), это показалось ему воздаянием за все

молитвы. Излишне упоминать, что книга крайне возмутила профессиональных мастеров. Но все дилетанты, подобные Иббсу, с нетерпением ждали выхода «Мастера манипуляций».

Жизнь и смерть фокусника кроются в его иллюзиях. Приподнять занавес, чтобы обнародовать сокровенное действие сценической магии, – это риск, на который большинство иллюзионистов никогда не пойдет. Для подобных вещей существовал негласный кодекс. Но Иббс был не более чем любопытным профаном, так что книга (которую, вероятно, опубликовало второсортное и не особенно почитаемое издательство) казалась ему немногим меньше чуда. Одна-единственная книга содержала великое множество магических тайн, словно по щелчку развеивала все загадки сцены!

Автор издал книгу под дурацким псевдонимом, какие обычно встречаются на страницах «Панча»¹: доктор Аннель Р. Азал. Иббс ломал голову над тем, кем могла быть эта подлая леди, с тех самых пор, как впервые услышал о книге. Потребовалось смущающее количество времени, чтобы понять, что «д-р. Аннель Р. Азал» – это «Лазарь Леннард», написанное наоборот. Но из этой информации выходило мало толку, если не знать, кем этот Лазарус Леннард может быть. Возможно, каким-то инсайдером, знающим профессиональные уловки.

Иббс сверился с часами на каминной полке и решил, что у него достаточно времени, чтобы расправиться с первой главой, соблазнительно прозванной «Карты из неоткуда», прежде чем ринуться в сырое и тоскливое сентябрьское утро. Он выдвинул ящик стола и достал оттуда свою собственную, изрядно потрёпанную колоду. Наспех перетасовав карты, он разложил их перед собой (несколько небрежно, но в целом неплохо). А затем сосредоточился на тексте.

На фронтисписе пером и тушью был тщательно изображён мужчина мексиканской наружности (с эспаньолкой и закрученными усами). Он явно принадлежал к ацетабуляриям², одним из первых иллюзионистов в истории, древнеримским специалистам по трюку с мячиком и кубками. Иббс был слишком взбудоражен, чтобы всматриваться, хотя внимательное изучение рисунка дало бы ему всю необходимую информацию о том, как выполнять запечатлённый фокус. На картинке иллюзионист сжимал шарик между большим и указательным пальцами правой руки, демонстрируя его зрителю. Но стоило только приглядеться, чтобы увидеть в глазах фокусника отражение второго шарика, скрытого от зрителей в так называемой «Ладони Тэнкай»³ – шарик был неприметно прижат большим пальцем к центру левой ладони. «Мастер манипуляций» был одной из тех книг, где находились любые ответы, если только знать, как их искать.

«Искусство магии, – прочёл Иббс, – заключается в обмане восприятия. Большинство людей будут смотреть туда, куда вам угодно – им нужно только повелеть. Это не более чем отвлечение внимания, чтобы зритель не смог узреть трюк, прежде чем он работает».

В тексте не было ничего умопомрачительного, и всё же в то утро этого оказалось достаточно, чтобы захватить внимание Иббса столь крепко, что он чуть не опоздал на работу. Он миновал несколько первых глав за завтраком из овсянки и пересушенных тостов и наконец с тяжёлым сердцем заставил себя покинуть квартиру, чтобы отправиться за дневным заработком. Теперь ему нужно было разбираться с надоедливым рутинным трудом. И всё же можно было с уверенностью сказать, что магия занимала все его мысли, когда он направился в тюрьму Холлоуэй тем утром.

¹ Панч – британский еженедельный юмористический журнал, основанный Генри Мэйхью и Эбенезером Лэнделлсом. Издавался с 1841 по 1992 год и с 1996 по 2002 год.

² Латинское слово «Acetabularii» обозначает винный кубок. Фокусники, выполняющие трюки с исчезающим мячиком, получили соответствующее название «ацетабулярии» из-за чаш, которые использовали для этой иллюзии.

³ Ладонь Тэнкай – техника сокрытия мелких или плоских предметов в руке. Изначально была изобретена для карточных фокусов японским мастером иллюзий Тейдзиро Исидой, носившим псевдоним «Тэнкай».

* * *

Оставить книгу оказалось непросто, но Иббс убедил себя, что было бы гораздо хуже, если бы он взял её с собой, а затем ненароком потерял или уронил в лужу, пробираясь сквозь давку в час пик. Вместо этого он купил газету у продавца на углу и сел в омнибус. Когда он вернётся домой, «Мастер манипуляций» будет ждать его у постели.

Трудно было сосредоточить внимание на утомительно перегруженных злостными вымыслами заголовках о бегстве Чемберлена⁴ в Берхтесгаден и прочих подобных отвлечённых политических вещах. Единственным, что вызывало трепет интереса, стала награда, которую предлагали в разделе объявлений «Хроники»:

**МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ РАСКРЫТЬ ДЕЛО
ОБ УБИЙСТВЕ НА ЧЁРТОВОМ КОЛЕСЕ?**
Ежедневная «Хроника» предлагает
НАГРАДУ В ДВЕ ТЫСЯЧИ ФУНТОВ
тому, кто обнаружит разгадку
невероятного преступления
на колесе обозрения!

Он свернул газету и со вздохом сунул её под мышку. По крайней мере, пресса была на его стороне и в «Хронике» её назвали невиновной. Но общественные суждения разительно отличались от настоящего суда.

Когда омнибус выехал на Паркхёрст Роуд, внимание Иббса привлек мальчик лет шести, сидевший напротив. Мальчик выглядел глубоко несчастным и с откровенным унынием цеплялся за материнскую юбку. Иббс вынул из кармана монету, соверен. Затем очень осторожно, пока омнибус подсакивал на ухабах, петляя между дорожных преград, он начал вертеть монету между костяшек пальцев, демонстрируя натренированную ловкость собственных рук.

Без тени улыбки мальчик наблюдал за происходящим, понурый и убийственно серьёзный. Иббс положил монету на ладонь и крепко стиснул ее в кулаке. Затем сжал в кулак и вторую руку, приподняв её рядом с первой и выжидающе взглянув на мальчика. Потратив некоторое время на усердные размышления, ребёнок указал на правую руку, ту, в которой изначально была монета. Иббс разжал пальцы, показывая, что ладонь пуста. Монета вдруг оказалась в другой руке.

Выражение лица мальчика не изменилось, но Иббс внушил себе, что в его глазах вспыхнул интерес. Восприняв это как поощрение, он продолжил. Ещё несколько раз он заставлял монету перемещаться из одной его ладони в другую. Это была очень простая иллюзия, по сути весьма близкая к трюку с чашкой и мячом. Для этого фокуса требовалась всего-навсего ещё одна монета, о которой не было известно зрителю. Она пряталась между пальцами «пустующей» руки. Иббс провел бесчисленные часы, отрабатывая этот трюк перед зеркалом, пристально наблюдая за своим отражением в поисках малейшей оплошности, способной выдать вторую монету. Если он не мог приметить собственную уловку, то и зрители тоже.

В качестве коронного трюка Иббс протянул вперёд обе ладони, демонстрируя, что они опустели. Затем он хлопнул в ладоши, достаточно громко, чтобы разбудить женщину, сидевшую рядом с ним, до сих пор погружённую в лёгкую дремоту. Мальчик растерянно округлил глаза. Он огляделся по сторонам, пытаясь найти разгадку трюка в самом омнибусе. От этих

⁴ Артур Невилл Чемберлен – премьер-министр Великобритании с мая 1937 по май 1940 года. Был лидером консервативной партии Соединённого Королевства.

движений монета соскользнула прямым с его юной макушки и полетела вниз. Иббс вытянул ногу и поймал соверен мыском ботинка.

– Это тебе, – сказал он. Мальчик схватил монету и поднял вверх, словно это был драгоценный пиратский трофей. Затем он сунул соверен в карман шорт и снова принялся тереть юбку матери.

* * *

На следующей остановке Иббсу пора было выходить. Он покинул омнибус, возбужденный собственным выступлением с совереном, и зашагал по Паркхёрст Роуд к огромным деревянным воротам Холлоуэя.

Снаружи тюрьма Холлоуэй походила на дворец из бурого кирпича – огромная и внушающая благоговейный трепет, распростёртая на бесконечные акры земли, окружённая высокими стенами и витой колючей проволокой. Охранник отдал честь, когда Иббс миновал ворота. Он не знал, что должен был ответить, поэтому тоже отдал честь. Из-за этого он мысленно бранил себя всю дорогу до входных дверей – ему следовало просто взглянуть на охранника с ледяным пренебрежением, а затем сразу отвести взгляд. Только так и можно заслужить чьё-то уважение.

У главного входа уже ожидал пожилой мужчина в форме.

– Иббс?

– Это я, сэр.

– Очень хорошо. А я смотритель Мэтьюз. – Они пожали друг другу руки. – Полагаю, вы здесь, чтобы увидеть «леди дня».

– Карлу Дин.

– Это она и есть. Доставила же она нам хлопот.

– Хотите сказать, она буйная заключенная?

– Нисколько. Тихая, словно мышка, и крайне унылая. Большую часть времени проводит за Библией. Но она привлекает слишком много внимания среди общественности. Неоднократно мне доводилось отлавливать у наших дверей журналистов, желающих раздобыть материалы для интервью. Они пробуют маскироваться. Порой это смотрится довольно комично.

– Кажется странным пытаться проникнуть в тюрьму, – заметил Иббс.

Мэтьюз рассмеялся.

– Это вы мне говорите?

Вдвоём они углубились в вереницу тусклых коридоров, вызвавшую у Иббса жуткие воспоминания о его старой школе-интернате. Подобно этому месту, там тоже намеренно избегалось всё, что могло радовать глаз. Обстановка служила психологическим оружием.

– Вы уже встречались с миссис Дин?

– Только единожды, сразу, как она оказалась под стражей полиции. Но это было в присутствии сэра Сесила. Но тогда именно он в основном говорил.

– Понятно. И теперь вам доверено допросить её с глазу на глаз?

– Ну да. И откровенно говоря, положение у нас довольно напряжённое.

Иббс был привлечен к делу как помощник прославленного сэра Сесила Булливанта, королевского адвоката, которого назначили выступать от имени защиты. Почти сразу у Булливанта вспыхнул острый случай копропраксии⁵, для лечения которого его ошеломлённый врач посоветовал постельный режим. Таким образом большая часть работы по судебному процессу

⁵ Копропраксия – неврологическое заболевание, характеризующееся непроизвольной демонстрацией неприличных жестов или совершением вульгарных действий, что весьма шокирует окружающих и крайне смущает больного.

Короны против Карлы Дин легла на плечи Иббса. В настоящее время дело, определённое к рассмотрению судьёй Джайлзом Друри, было далеко от ясности.

Начальник одарил Иббса кривой улыбкой:

– Что ж, желаю удачи. – И что это он под этим подразумевал?

Трудно было отрицать, что это дело произвело настоящий фурор. Флит-стрит окрестила своё гласное детище «Дело об убийстве на чёртовом колесе», что изящно обобщало ключевые особенности случившегося. Но название не могло передать ощущения почти сверхъестественной тайны, насквозь пропитавшее эти события. Два человека совершили подъём на колесе обозрения, но только один из них спустился живым.

Иббсу уже доводилось встречаться с Карлой Дин, но только мельком. Во всяком случае, время их знакомства казалось недостаточным, чтобы сформировать должное впечатление. На фотографиях в газетах была изображена молодая женщина, бодрая и исполненная ума. Лицо её будто бы светилось даже через фотобумагу. Но в тюрьме Карла состарилась на десятки лет. Вокруг ее глаз и рта образовались тёмные морщинки, а волосы иссохли и потеряли прежнюю гладкость. Трудно было поверить, что этой женщине не исполнилось даже тридцати. Одетая она была в лишённое формы серое платье, полотно которого походило на мешковину. Свои худые руки пианистки она держала скрещенными на коленях, сидя на месте и терпеливо ожидая, когда Иббс начнёт разговор. Ее глаза были бездонными; в них крылось множество вещей, которые Иббс не мог разобрать. Он словно глядел в две идентичные пропасти, глубина которых не поддавалась человеческому пониманию. Как и многие другие детали дела, это впечатление всплыло в его разуме запоздало, когда он воссоздавал в уме образ Карлы Дин. Но в тот момент, когда они смотрели друг на друга через решётку тюремной камеры, его мысли занимала только слабость, вызванная её присутствием. Вопиющий непрофессионализм.

Походила ли она на убийцу? Это был вопрос, которым пришлось бы задаться рано или поздно. Но, несомненно, в её узловатых мышцах и кошачьей прямоте, с которой она расположилась на кровати, крылось напряжение сжатой пружины. Тишина тоже вызывала тревогу; всё это должно было что-то значить.

– Доброе утро, миссис Дин.

– Доброе утро, мистер Иббс. Так приятно снова вас увидеть. – Её манера речи могла превосходить любой светской леди. Голос её был густым и тихим, словно дым, – голос, к которому тянуло склониться поближе. Только лицо её оставалось абсолютно пустым.

– Надеюсь, вы не возражаете, если я сразу перейду к делу? Нам нужно многое обсудить сегодня.

– Разумеется. Пожалуйста, присаживайтесь.

Иббс опустил на холодный деревянный стул у кровати. Миссис Дин осталась сидеть на матрасе. Она исхудала.

– Если вы не против, я бы попросил вас снова повторить уже неоднократно рассказанную вами историю. Историю о том, что случилось с вашим мужем в ночь на 19 августа. Не могли бы вы рассказать её мне?

Она склонила голову.

– Я сделаю все, что будет в моих силах.

– Хорошо. Пожалуйста, начинайте.

В руках Иббс держал блокнот и ручку. Ему требовалось всего-навсего проверить рассказ на наличие возможных несостыковок. Разумеется, он уже знал всю историю вплоть до мельчайших деталей, но как и в мастерстве иллюзий, ключ к совершенству крылся в повторении. С каждым новым пересказом всплывали упущенные прежде нюансы и подробности.

– Он повёл меня на ярмарку. Просто хотел немного меня побаловать. Купил мне сахарную вату, танцевал со мной – мы хорошо проводили время.

– Во сколько вы туда прибыли?

– Я думаю, это было в районе шести часов. Днём мой муж работает. То есть работал. – Ресницы Карлы дрогнули, но, похоже, слёз в ней уже не осталось.

– На ярмарке вы встречали кого-нибудь, с кем были знакомы или, может, просто виделись прежде?

– Разумеется. Там было множество людей с нашей улицы.

– Быть может, вы заметили кого-то, кто вёл себя странно, или что-то, что выглядело подозрительно?

– Ну, трудно сказать. Не сразу заметишь что-то необычное в кавалькаде клоунов, жонглёров и фокусников.

– Вы были знакомы с кем-нибудь из труппы?

– Нет.

– А ваш муж?

Она помолчала, обдумывая свой следующий ответ.

– Он бросал взгляды через плечо. Как будто кто-то следил за ним.

– Так за ним кто-то следил?

– Может быть. Но мысль об этом пришла мне в голову не сразу, а когда всё уже произошло. Будто я сама пытаюсь убедить себя, что там кто-то был. Хромой мужчина попался мне на глаза пару раз, пока мы гуляли по ярмарке.

– Давайте пока ограничимся фактами. Ваш муж обычно брал с собой огнестрельное оружие, когда выходил на улицу?

Это был первый сложный вопрос. Иббс хотел посмотреть, как Карла отреагирует. Она, похоже, сохраняла уверенность. На её лице мелькнула мимолётная тень сосредоточенности, прежде чем последовал ответ:

– Нет.

– Откуда вы можете знать?

– Думаю, я должна знать, вам так не кажется? На самом деле у моего мужа было огнестрельное оружие. Револьвер серого цвета, старый и уродливый, во мне он не вызывал интереса. Но эта штука никогда не покидала стены нашего дома, могу поклясться, если только моё слово чего-то стоит. Револьвер служил исключительно для самозащиты, на случай ограбления, к примеру. У моего мужа не было причин брать оружие на ярмарку.

– Ах, верно... – Иббс пролистнул несколько страниц своего блокнота. – Наган М1895. Разве это не одна из большевистских моделей? – Карла пожала плечами. – Где ваш муж достал такой револьвер?

– Понятия не имею.

Иббс решил изменить подход:

– Кажется, вы полагаете, что в ту ночь за ним велась слежка. Разве в этом случае ему не следовало бы держать под рукой средство самозащиты? Как вы можете быть уверены, что он был безоружен?

Карла вздохнула, явно утомившись повторять одно и то же.

– Потому что тем вечером было прохладно, и он отдал мне свою куртку. Накинул её мне на плечи. Этаким рыцарский жест, понимаете? Если бы револьвер был при нем, я бы тут же это увидела. И если бы револьвер остался в куртке, я бы это почувствовала.

– Что насчёт его брюк? Он мог засунуть оружие за пояс или спрятать в карман?

– Нет-нет. Этот револьвер был слишком большим, чтобы поместиться в кармане. И если бы он был за поясом, его было бы видно.

– А лодыжки?

– Вы хотите спросить, не заткнул ли он револьвер в носок? Нет. Опять же, тогда я бы его заметила. Мой муж был одет в тонкий костюм из льна, так что очертания револьвера на любой из частей его тела были бы очевидны.

– Тогда вы сами, миссис Дин? Вы были вооружены?

– Нет. Не была. Я ненавижу оружие всеми фибрами души. Меня всегда раздражало, что Доминик считал необходимым держать револьвер в доме.

– При вас была сумочка, верно?

– Да, но в ней не было оружия. Я бы никогда не покинула дом с револьвером в сумочке.

– Понял. Может быть, вам стоит рассказать мне что-нибудь о самом револьвере? Что вынудило вашего мужа купить его?

Карла вздохнула.

– Он был не в себе после инцидента в банке. Он стал... другим. Боялся даже собственной тени. В его голове возникла дурная уверенность, будто револьвер защитит его.

– Но вы не были с этим согласны.

– Нет, очевидно же, что заряженный револьвер в столе управляющего банком – это несчастный случай с часовым механизмом.

– Так револьвер был всё время заряжен?

– Понятия не имею.

– Вы когда-нибудь видели, как ваш муж его заряжал?

– Никогда.

– Значит, вы ни разу не испытывали побуждения воспользоваться этим оружием? Или хотя бы взглянуть на него?

Она пожала плечами:

– С какой стати мне заниматься подобным? Револьвер всегда был в кабинете Доминика. Как и пули. И у меня никогда не было причин туда заходить. Мне это попросту неинтересно.

– Ясно. – Иббс набросал несколько новых заметок, прежде чем вновь взглянуть на заключённую. – Значит, ни вы, ни ваш муж не были вооружены той ночью. Тогда откуда взялся револьвер?

Это был ключевой вопрос. Вопрос, на который предстояло ответить как стороне защиты, так и стороне обвинения.

– Не знаю, – ответила Карла Дин. – Я услышала грохот, с которым револьвер упал на пол, и в следующий миг он вдруг оказался в моей руке.

– Давайте рассматривать случившееся в хронологическом порядке. В котором часу вы отправились на колесо обозрения?

– Должно быть, около девяти, но я не уверена.

– А чья это была идея?

– Доминика. Он всегда любил подобные аттракционы.

– Вы были против?

– Нет. Я поддерживала большинство его затей.

– Но не стрельбу, – заметил Иббс, не поднимая взгляда. – Он говорил с вами о чём-нибудь? Мне нужно как можно больше подробностей.

– Мы обсуждали только бытовые вопросы, о которых обычно говорят семейные пары. Спорили о деньгах. Строили различные планы. Я, признаюсь, не помню деталей. Это была рассеянная беседа о разной ерунде. Я ведь понятия не имела, что в последний раз разговариваю с мужем.

– У него были проблемы с деньгами?

К своему следующему ответу Карла подошла с осторожностью:

– Он был щедр на легкомысленные траты. Мне неоднократно приходилось предупреждать его о всевозможных рисках, но он никогда не слушал.

– Понятно. А теперь, пожалуйста, постарайтесь сосредоточиться. Вы сели на колесо обозрения. И были в кабинке наедине.

– Да. Там были только мы.

– Кто оплатил билеты?

– Доминик. Чтобы попасть на колесо обозрения, нужно было пройти мимо небольшой кассы. Доминик задержался там, чтобы купить билеты. Он обменялся парой слов с продавцом, сидящим в этой будке, но я не видела, что это был за человек. Я не была сосредоточена.

– И потом вы сразу сели в кабинку?

– Да. – Карла притихла, её взгляд скользнул по тюремной решётке.

– Пожалуйста, – подбодрил Иббс, – продолжайте.

– На колесе было холодно. Я плотнее закуталась в куртку Доминика. Он взахлёб рассказывал мне о своих планах на завтра.

– Что он говорил?

– Я не помню. Всё, что я помню, это выстрел. Я смотрела не в ту сторону. Я смотрела вниз. Я не видела, откуда взялся револьвер.

– Но вы уверены, что именно ваш муж был тем, кто нажал на курок?

– Кто еще это мог быть?

Остриё ручки Иббса зависло над блокнотом.

– Выстрел был всего один?

– Да. Было эхо, но всё же я уверена, что сам выстрел прозвучал единожды. Затем раздался оглушительный лязг, когда револьвер упал на пол кабинки. А бедный Доминик хватался за живот, плакал и вопил.

– Насколько высоко вы были на тот момент?

– На самом верху. Спуск только начинался.

– И как вы отреагировали?

– Я спросила: «Доминик, в чём дело, что случилось?» Это, конечно, был глупый вопрос. Я застала только результат случившегося. Но Доминик ответил только: «Пожалуйста, мне больно». О, это звучало ужасно, мистер Иббс. Это разбило мне сердце. Так что, пока кабинка двигалась вниз, я высунула голову и закричала: «Помогите моему мужу, он ранен!»

– Что было потом?

– Разумеется, множество людей обратили внимание на шум. Внизу собралась толпа, началась толкучка и давка.

– И?

– Там оказался врач, он не работал, он просто проводил время на ярмарке со своей женой. Он осмотрел моего мужа, но, конечно, был не в силах что-то сделать. Поэтому вызвали «Скорую помощь». Мой муж был подстрелен в живот.

– Он испытывал сильную боль?

– Да. Очень сильную. Он умер прежде, чем подроспела «Скорая».

– И прежде, чем он успел обмолвиться хоть словом о произошедшем.

– Он бормотал что-то неразборчивое. И всё.

– Позвольте задать вопрос, миссис Дин, – попросил Иббс, отложив блокнот и ручку в сторону, чтобы переплести пальцы, – как вы думаете, что произошло с вашим мужем?

– Я знаю, что кто-то выстрелил в него. Но я не могу сказать, кто именно это был.

– Пороховые ожоги на одежде и теле вашего мужа указывают на то, что выстрел был произведен с очень близкого расстояния. В кабинке на колесе обозрения были только вы вдвоём. И ваши отпечатки пальцев покрывали оружие убийства целиком.

– Потому что я подняла его с пола, – возразила Карла. – Это было машинально. Теперь я понимаю, что мне не следовало этого делать.

– Оружие принадлежало вашему мужу.

– Мне так сказали. Но для меня все револьверы выглядят одинаково.

– Без сомнений, револьвер был оружием убийства. Он был пропален, и в барабане обнаружилось две незаряженные каморы – кажется, ваш муж оставил одну пустой, чтобы застра-

ховаться от случайного выстрела. Вероятно, он был осторожным человеком. И похоже, в тот вечер он всё-таки был вооружен.

– Он не был, я в этом уверена.

– Тогда откуда взялось оружие?

Карла была в отчаянии. Но было полезно прожить подобные вещи сейчас, чтобы подготовить её к возможному давлению в суде.

– Я не знаю, откуда оно взялось.

– А кто из него стрелял?

– Не знаю, мистер Иббс! Я не знаю! – Карла вдруг снова погрузилась в молчание. Её тощие плечи поднимались и опускались в такт каждому исполненному волнения вздоху, и она больше не могла встретиться с Иббсом взглядом. Допрос требовал от неё не меньшего терпения, чем от самого Иббса.

На мгновение он взял паузу, позволяя этой короткой вспышке безнадёжности утихнуть. Затем Иббс продолжил:

– Может быть, это сделал хромой мужчина?

Карла вскинула голову, словно перепуганный зверёк.

– Ну, я... – Её пыл мгновенно угас. – Нет. Такого не может быть.

– Почему нет?

– Потому что хромой мужчина не поднимался на колесо обозрения.

– Как вы можете быть уверены в этом? Вы сами сказали, что почти не обращали на него внимания. Зато ваш муж постоянно оглядывался через плечо, похоже, остерегаясь кого-то неприметного.

– Хорошо... это... Это правда, – признала Карла. – Но я все еще не понимаю, как...

– Неважно, – отмахнулся Иббс, подражая шутливой манере сэра Сесила. – Дело в том, что это мог быть он. Мы не знаем, как это произошло, но если дело зайдёт достаточно далеко, я сделаю всё возможное, чтобы выяснить ответ на этот вопрос.

– Хорошо, – произнесла Карла с новым проблеском решимости.

– Вот и славно.

Как и в иллюзии, в судебном деле материальные факты имеют меньшее значение, чем доверие аудитории. Если существовал хоть малейший шанс, что кто-то, кроме миссис Карлы Дин, каким-то образом мог убить её мужа на вершине колеса обозрения, долгом Иббса было тщательно исследовать подобную возможность. Ухватиться за всё, что могло послужить оправданием этой молодой женщине.

– Я хотел бы задать последний вопрос, – проговорил Иббс несколько застенчиво. Этот вопрос тоже был сложным, и он не знал, чего следовало ожидать от Карлы в ответ.

– Пожалуйста, спрашивайте.

– Вы честны со мной, миссис Дин?

Она вскинула бровь, но помимо этого выражение её лица сохранило прежнюю пустоту.

– Что вы имеете в виду?

– То, что вы мне рассказали: как вы ненадолго отвели взгляд, затем услышали выстрел и увидели револьвер, лежащий на полу. Как вы ненароком схватили орудие убийства. Всё это – правда?

– Да, – твердо сказала Карла. – Кроме того, что за женщина вздумает убить собственного мужа так, чтобы оказаться единственной подозреваемой? Вы же не думаете, что я достаточно глупа для подобного, верно?

«Но достаточно глупа, чтобы поднять револьвер», – подумал Иббс.

– Определённо нет. Но если всё это было ложью, лучше скажите прямо. Знаете, из этой ситуации есть простой выход. Всё, что вам нужно, это быть честной. Если всё произошло так,

как я представлял, у нас есть более чем весомый повод, чтобы вас признали невменяемой. Поверьте мне, пара лет в приюте для душевнобольных намного лучше, чем петля.

– Я верю вам, мистер Иббс. Но я не собираюсь ни в приют, ни в петлю. Я невиновна, и я убеждена, что присяжные поймут это.

– Хорошо. – Иббс хлопнул себя по бедрам и поднялся на ноги. – Думаю, я добился всего, за чем пришёл.

– Вы уверены? Не хотите спросить что-нибудь ещё о моём муже?

– Ну, мне кажется, вы рассказали мне всё, что хотели рассказать. Я оставлю вас наедине с вашей постелью и Библией.

– Нет, постойте! Пожалуйста, простите меня. Я не хочу создавать впечатление, будто я не ценю тяжкий труд, за который вы и сэр Сесил взялись ради меня. Но вы должны понять, как много раз мне уже пришлось пережить эту историю. Я знаю, как нелепо она звучит. Мне не приносят газет, но я уверена, что пресса вдоволь потешается надо мной. Единственная причина, по которой я настаиваю на своей версии случившегося, – глубокомысленно завершила Карла, – в том, что она правдива.

Миссис Дин, конечно, говорила убедительно. Но говорить убедительно и говорить правду – это не одно и то же. Иббс, возможно, и был наивным новичком, но даже он понимал это. Он внимательно осмотрел Карлу, бросив идею обновления заметок.

– Ваш муж имел склонность к самоубийству?

– Думаете, он мог застрелиться?

– А какое ещё может быть объяснение? Вы не стреляли в него – замечательно. Никто другой тоже не смог бы его подстрелить – отлично. Какие ещё есть варианты?

– Я... – Она погрузилась в собственные мысли. – Я полагаю, он... Возможно.

Это был вопрос с подвохом; вероятность самоубийства в подобных делах практически полностью исключалась. Люди попросту не стреляли себе в живот – это был грязный, мучительный и невероятно долгий способ свести счёты с жизнью. Но тот факт, что Карла Дин сама не отвергла подобный вариант, был... любопытен.

– Если бы он считал, что его преследует тот хромой мужчина, Доминик, возможно, взял бы с собой револьвер, – предположила она, будто пытаясь спорить с собственными умозаключениями. – Но я просто не в силах представить Доминика выпускающим шесть пуль в живого человека. Это было бы совсем на него не похоже. И опять же, как я уже неоднократно говорила, в ту ночь при нём не было оружия.

Иббс оставил её сразу после этих слов. Обсуждать было попросту нечего. В определённом смысле Карла ответила на самые важные вопросы, и теперь ему предстояло собрать обрывки её ненормальной истории во что-то связанное. Во что-то, что можно было бы представить присяжным.

Неужели Карла была виновна? Он не мог сказать. На самом деле у него не было права на личные выводы. Она определённо была неглупой женщиной. Иббс мог сделать такой вывод по ладному строю её речи, сохранявшемуся даже при эмоциональных вспышках. Если бы она решилась убить собственного мужа, наверняка ей в голову пришёл бы менее смехотворный способ.

Если только это не было сделано под давлением эмоционального порыва. Такие вещи на практике не были новинкой. Но тогда оставался открытым вопрос о револьвере – как он там оказался? Если его принес сам Дин, то по какой причине? А если его принесла Карла, разве это не делает убийство преднамеренным? И кроме того, чем бедный, интеллигентный управляющий банком средних лет Доминик Дин мог заслужить столь яростную расправу?

Когда Иббс снова сел в омнибус, его мысли занимала уже не магия. Теперь он задавался вопросом, какие ужасные секреты могла таить более чем примерная семья Дин. Кроме того, он думал о хромом мужчине.

Глава 2

Работа на Голдерс-Грин

По правде говоря, когда Иббс вышел из омнибуса на Голдерс-Грин, в его животе взвился трепет ребяческого предвкушения. Он был неподалёку от резиденции Динов – изящного дома с террасой, который уже неоднократно появлялся на страницах газет. Однако не дом был его целью. Иббс направлялся к месту преступления – к ярмарочной площади.

В цивилизованном пригороде Лондона ярмарка смотрелась откровенно неуместно. Но даже при том, что аттракционы ещё не работали (их должны были запустить позже в этот же день), воздух наполнился приятным предвкушением. Вокруг витал острый аромат жареного теста и сахарной ваты. Иббс прошёл по высохшей грязи между детским городком, спиралевидной горкой, оплетающей башню в виде маяка, и парком электрических автомобильчиков – всё это выглядело немного жутко, заброшенное и пустующее среди бела дня. Машинки были выстроены аккуратным рядком, словно готовясь сорваться с места.

Иббс чувствовал, что за ним наблюдают; наблюдают глаза медных фигурок на карусели, белые и пытливые. Когда он проходил мимо, огромный, щедро украшенный ярмарочный орган вдруг заиграл «О, как люблю я у моря бывать»⁶. Из-за этого Иббс ненароком подпрыгнул.

Он замедлил свой шаг до прогулочного. Действительно ли это место было таким пустым, как казалось? Запах сладостей и музыка механического органа подсказывали, что где-то в застенках должны были скрываться работники ярмарки. Иббс направился к грузному, подавляющему массиву колеса обозрения, занимавшему дальний участок ярмарочной площади. Сейчас колесо было неподвижно и бесцветно, но каким-то образом такой его вид внушал лишь больший трепет. Иббс бросил взгляд на маленькие металлические кабинки, способные вместить не более двух-трёх человек за раз и, кажется, слегка раскачивающиеся на ветру. Его охватило беспокойство. В одной из этих кабинок был застрелен Доминик Дин. Там оборвалась его жизнь. Возможно, на полу ещё остались следы крови.

Из тира с игрушечными утками вышел мужчина в ярком клетчатом костюме и пастельно-голубом котелке. Он заговорил с акцентом, который Иббсу не удалось определить – в нём присутствовало что-то европейское.

– Вам помочь?

– Если не затруднит, – ответил Иббс. – Я здесь по поводу Динов.

– Мы уже рассказали прессе всё, что могли рассказать об этом. У вас есть необходимые материалы для общей истории, не рассчитывайте на большее.

– Меня зовут Эдмунд Иббс, – представился молодой адвокат. – Я юрист, работаю над делом миссис Дин.

– Вы на стороне защиты? – Мужчина подался ближе к Иббсу. Солнечный свет вспыхнул на серебряном распятии, висящем на его шее.

– Так и есть, я представляю ответчика.

– И что вам угодно узнать?

– Я хочу поговорить с джентльменом, который работал на касе колеса обозрения в ночь, когда был убит Доминик Дин.

– Что ж, вы уже с ним говорите.

– Правда? Как ваше имя, сэр?

– Варга. Миклош Варга.

⁶ Вероятно, имеется в виду популярная британская песня «I Do Like to Be Beside the Seaside», написанная Джоном Гловер-Киндом в 1907 году. Том Мид указал её название как «Oh I Do Like to Be Beside the Seaside», что соответствует первой строке припева, но не соответствует фактическому названию песни из-за восклицания в начале.

– Отлично, мистер Варга. – Иббс протянул руку, и Варга вернул осторожное рукопожатие. Вокруг стали появляться другие служащие ярмарки. Очень медленно и понемногу, но всё же площадь оживала. – Тут есть место, где мы могли бы поговорить?

– Мне по душе открытые разговоры, – сказал Варга.

– Как пожелаете. У меня есть несколько очень простых вопросов. Я только хочу понять, не случилось ли чего-то необычного приблизительно за час до происшествия.

– Например?

– Чего угодно. Что могло показаться ненормальным лично вам.

– Тогда ничего. Наша работа сама по себе ненормальна.

– Карла Дин утверждает, что они с мужем сели на колесо обозрения в районе девяти часов. Это правда?

– Да.

– Пока они были на колесе, не было ничего подозрительного? Может, случилась хоть какая-нибудь странность?

Варга задумался.

– Один билет рассчитан на шестнадцать оборотов колеса. Дины откатились примерно половину из этого, семь или восемь подъёмов. И они были на самом верху, когда я услышал выстрел.

– Вы уверены, что это был именно выстрел?

Стало заметно, что Варга растерялся.

– Разумеется, это был выстрел...

– Да, но вы сразу подумали, что это был именно он? Или это шумиха с обсуждением револьвера и стрельбы, поднявшаяся постфактум, внушила вам такое впечатление?

– Ну, раз уж вы сами заговорили об этом, это могло быть и что-то другое. Всевозможные звуки на ярмарках – обычное дело.

– Хорошо. Что случилось потом?

– Миссис Дин высунула голову из кабины, когда начался спуск. Она вопила: «Помогите, помогите!»

– Ясно. Спасибо, Миклош, вы очень помогли. А теперь, не могли бы вы рассказать мне о людях, которые в это время находились на земле?

– К колесу была очередь из желающих прокатиться. Молодые пары. Дети. Людям нравится этот аттракцион.

– Кто-нибудь выделялся из толпы?

Варга слегка улыбнулся.

– О, чудаков всегда достаточно. Что вы под этим подразумеваете?

Иббс решил рискнуть.

– Возможно, мужчина с хромотой?

Улыбка застыла на лице Варги. Он пристально оглядел Иббса с ног до головы.

– Да. Там был хромой человек. Блуждал поблизости, в шляпе, надвинутой на лицо. Он не стоял в очереди с остальными, он, похоже, просто чего-то ждал.

– Думаете, он мог ждать Дина?

– Как я могу знать? – Язык тела Варги изменился; теперь он скрестил руки на груди, с виду явно настороженный.

– Вам доводилось видеть его прежде?

– Нет.

– Почему вы не рассказали о нём полицейским?

Варга пожал плечами.

– Меня не спрашивали. Думаю, он решил уйти в тот момент, когда всё началось. И он прихрамывал, я это хорошо помню.

– Вы видели, что было с ним после?

– Нет.

– Понятно. Что вы можете сказать о других людях, тех, что подобралась поближе, чтобы посмотреть на Дина?

Варга, казалось, немного успокоился. Его руки вяло опустились по швам.

– Среди них был врач со своей женой. Человек по фамилии... – Варга задумался. – Рэнсом. Доктор Рэнсом. Он подошёл, чтобы проверить пульс Дина. Это он сказал всем, что Дин мёртв. Господи, – Варга сжал в руке распятыё, – я буду молиться за него, – сказал он. Его взгляд по-прежнему странно впивался в Иббса, как будто Варга не был уверен, что действительно может ему доверять.

* * *

К тому времени, как Иббс покинул ярмарку, площадь наконец начала понемногу оживать. Органная музыка стала громче, а карусель начала вращаться. Иббс чувствовал, как взгляд Миклоша Варги пронзал его спину, когда он покидал ярмарочную площадь Голдерс-Грин.

Близилось время обеда. Посещение Холлоуэя и ярмарки заняло целое утро. Иббс счёл момент подходящим для того, чтобы навестить доктора Рэнсома в перерыве между пациентами. Конечно, как только полиция прибыла на место происшествия, Рэнсома сразу же подробно допросили, но он не сказал ни слова о хромом человеке. Было бы интересно, если бы он не сделал этого и сегодня.

Хромой мужчина был ключевой деталью, в этом не оставалось никаких сомнений. Хромой мужчина, который притаился среди людей, будто бы в ожидании, и исчез вместе со звуком выстрела.

Иббс покинул omnibus в третий раз за день, насвистывая песенку, которую играл ярмарочный орган, и зашагал по улице туда, где располагалась приёмная Рэнсома. По общему признанию, Рэнсом слыл вполне респектабельным врачом, хотя и не особенно впечатляющим (и, как это было с самим Иббсом, слишком юным). Это представление не смог развеять даже приятный, но несколько унылый зал ожидания.

На протяжении примерно пяти минут Иббс, закурив сигарету, изучал узор пейсли⁷ на обоях, когда из кабинета наконец появился доктор собственной персоной.

– Хью Рэнсом, – представился он.

Они пожали друг другу руки. Едва ли этот доктор был старше Иббса, но он обладал добродушным характером, свидетельствующим о развитии, обгоняющем возраст.

– Доктор Рэнсом, меня зовут Иббс. Я адвокат миссис Карлы Дин. Я хотел поинтересоваться, не будет ли у вас времени ответить на пару вопросов о ее покойном муже Доминике?

– Ах, господин с колеса обозрения. Ужасный случай. Но я мало что могу о нём рассказать. Пока я его осматривал, он умирал от пулевого ранения в животе. Огонька не найдётся? – Рэнсом вынул сигарету из серебряного портсигара.

– У него было кровотечение? – спросил Иббс, зажигая для него спичку.

– О да, обильное. Как в настоящем шоу ужасов.

– И каково было ваше первоначальное впечатление о случившемся? Что, по-вашему, произошло?

– Строить догадки не моя работа, Иббс. Всем, что мне сейчас известно и что было известно на тот момент, это то, что у того человека было огнестрельное ранение.

– Он сказал вам что-нибудь?

– Кто, Дин? Нет, он слишком сильно мучился.

⁷ Пейсли – каплевидный стиль орнамента с восточным мотивом, обычно наиболее приближенным к персидским.

– А миссис Дин?

– Ох, она только бормотала истерическую бессмыслицу. Мне удалось успокоить её до приезда полицейских. К тому времени, когда они прибыли, мистер Дин, конечно, был уже давно мёртв.

Иббс обдумал услышанное, затем кивнул. Ему была не по нраву излишняя уверенность доктора Рэнсома.

– Могу я узнать, не приходилось ли вам встречать Доминика Дина прежде?

– Разумеется приходилось. Он был управляющим моего банка. Я знал его в лицо. Хотя стоит заметить, мне не довелось знать его в качестве своего пациента.

– А вы не заметили чего-нибудь странного в поведении людей у колеса обозрения? Кто-нибудь из них, возможно, не был похож на остальных?

Рэнсом сощурился, тщательно обдумывая вопрос. Возможно даже слишком тщательно.

– Вы имеете в виду хромого мужчину. – Доктор сделал длительную затяжку своей сигаретой.

– Возможно. Вам есть что рассказать о нём?

– Не очень много. Когда послышались крики, он устремился прочь от колеса.

– Как он выглядел?

Доктор резко развернулся и направился к двери.

– Простите, Иббс. На самом деле мне пора идти. Нельзя торчать здесь весь день. Иначе моему следующему пациенту придётся ждать.

– Постойте! – окликнул Иббс. – Вы же сами завели разговор о хромом мужчине. Вы можете что-то рассказать о нём?

Рэнсом потушил сигарету о доньшко пепельницы сбоку от него.

– Ничего. Мне нечего рассказывать. Хорошего вам дня, – и он приоткрыл для Иббса дверь.

– Доктор Рэнсом... Кто-то уже говорил с вами об этом?

– Нет, – ответил он. – Прошу меня извинить, мистер Иббс.

– Вы рассказали полиции о том, что видели?

Рэнсом взглянул на свои карманные часы.

– Мне действительно стоит поспешить, – повторил он, пристально взглянув на Иббса.

У Иббса не осталось выбора. Он вышел так же, как и вошёл, через абсолютно пустую приёмную. И Варга, и Рэнсом видели хромого мужчину.

Минуту или две он простоял возле входа, всерьёз размышляя, не вернуться ли внутрь и не попробовать ли подловить упрямого доктора Рэнсома. Но тот определённо уже сказал всё, что хотел.

Иббс окинул взглядом плотно застроенную улицу. Он был неподалёку от дома семьи Динов – ныне, к сожалению, пустующего, – но он не чувствовал острой необходимости туда отправляться. Вне всяких сомнений, дом тоже хранил свою часть истории, но у Иббса сейчас не осталось в запасе времени. Он посмотрел на часы – было уже около двух пополудни. У него была запланирована очередная встреча.

Он свернул за угол и направился в сторону банка, где Доминик Дин зарабатывал деньги для своих колоссальных растрат. Как и во многих других банках, в этом чувствовалось нечто церковное. Белый мрамор, колонны. Создавалось впечатление, что здесь стоило говорить тихим, благоговейным тоном. Иббс заранее назначил встречу с Феликсом Дрейвеном, исполняющим обязанности управляющего после гибели Дина.

Дрейвен был грузным человеком с выступающими вперёд резцами и жидкой порослью усов. Он встретил Иббса в огромном фойе, поприветствовал его деловито и с официозом, а затем повёл в кабинет управляющего, который уже успел присвоить. Судя по обстановке, про-

цесс избавления от личных вещей Дина здесь продолжался до сих пор. Иббсу это показалось довольно отвратительным.

– Спасибо, что согласились на встречу со мной, мистер Дрейвен.

– Никаких проблем. – Его голос звучал прерывисто. – Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы помочь.

– Миссис Дин убедила меня, что в последнее время в поведении её мужа наблюдались существенные изменения. Что он был чем-то удручён или даже напуган.

– Я предпочитаю не говорить плохо о мертвых, но в данном вопросе я склонен согласиться с миссис Дин. Покойный мистер Дин всегда был требовательным джентльменом. Но в течение последней пары недель его поведение претерпело существенные изменения.

– Как вы думаете, в чём была причина?

– Я бы сказал, это всё из-за ограбления, которое произошло здесь чуть раньше, за две недели до гибели мистера Дина. Той ночью наше хранилище взломали и разворошили. Быть может, вы слышали об этом?

Иббс слышал, но всё же продолжил тупо пялиться на Дрейвена в надежде вытянуть что-нибудь полезное.

– Это был кошмар. И бедный Артур...

Артур Моррисон служил ночным сторожем в банке, и его насмерть забила шайка грабителей. Если бы с ним покончили одним-единственным ударом, его можно было бы назвать попросту невезучим. Но его продолжали колотить, пока его лицо не превратилось в месиво, а из ушей не пошла кровь. Он умер ранним утром.

– Какое омерзительное преступление, – заключил Дрейвен. – Неудивительно, что мистер Дин не смог справиться с потрясением. Тем более, что именно он попросил Моррисона остаться на ночной вахте.

– В самом деле? – изумился Иббс. – Зачем он это сделал?

Дрейвен только пожал плечами. Казалось, он делал всё возможное, лишь бы запятнать репутацию своего предшественника. Но, вероятно, он не был неправ; Дин занимал пост управляющего в банке, так что, в конечном счёте, то, что случилось с пожилым сторожем, было на его совести. Ограбление, должно быть, сказалось на нём. Наверное, он чувствовал вину.

Вот только...

Тот факт, что резкие изменения в поведении Дина произошли совсем незадолго до его убийства, не мог быть простым совпадением, не так ли? Он знал, что кто-то пытается добраться до него. Его друзья и соседи наперебой свидетельствовали о его новоприобретённой осторожности, а теперь возникли и истории о том, что его преследовал хромо́й человек. Человек, который был на месте происшествия в момент смерти Дина. Могла ли быть связь между ограблением и убийством?

При всём демонстративном стремлении Дрейвена помочь, он был на удивление немногословен, когда дело касалось его личных отношений с Дином. Под радушием скрывалась презрительная холодность. Иббс не хотел бы оказаться здесь в то время, когда этим двоим приходилось работать вместе, бок о бок. Вне всякого сомнения, атмосфера была бы довольно напряжённой.

Впоследствии Иббс добился быстрого разговора с одной из кассирш, носящей звонкую фамилию «мисс Кэш»⁸. Она была не только самой главной, но и самой старшей среди кассиров и без стеснения обращалась с Иббсом так же грубо, как, несомненно, обращалась и со своими подчинёнными. Но всё же она согласилась ответить на некоторые из его вопросов.

– Вы тут насчёт чего? Насчёт ограбления? Или из-за того, что случилось с мистером Дином?

⁸ Кэш – *англ.* «Cash», что означает «наличные».

Иббс ответил обезоруживающей улыбкой.

– Думаю, из-за всего понемногу.

– Но вы же не с тем, другим джентльменом, верно?

– С другим джентльменом?

– Ну, к нам приезжала полиция, когда это произошло. Я имею в виду ограбление. И само собой, заведовал всем инспектор Флинт, и он опрашивал всех подряд, пытаясь выяснить, что происходит. А потом приходили журналисты. Затем мы вдруг узнали, что мистер Дин умер, и те же самые журналисты опять вернулись. Но после них к нам заходил ещё один, новый человек, чтобы увидеть нас и опросить.

– Кто это был? Как его звали?

– О, дайте-ка подумать... – Мисс Кэш сморщилась. – Ремистон, – наконец сказала она. – Мистер Бойд Ремистон.

– Почему вы уверены, что он не был одним из репортёров?

– Он попросил мистера Дина. Но когда я сообщил ему новость – «вы знаете, о том, что мистер Дин скончался», – он ничуть не был удивлён.

– Он говорил вам что-нибудь ещё?

– Ничего. Он почти сразу ушёл. Но мне он не понравился, мистер Иббс. Это то, что я могу вам точно сказать.

– Как он выглядел?

– Так, дайте мне припомнить. Он был коренастым. Грубым на вид. Судя по акценту, я могу предположить, что он откуда-то с севера.

– Ага. Но всё же, что насчёт его внешности? Можете ли вы описать черты его лица?

– У него было вполне обычное лицо, мистер Иббс. В банке на подобного человека можно наткнуться в любое время.

– А его одежда? В ней было что-нибудь, что бросалось в глаза?

– На нём был чёрный костюм и котелок. Насколько я помню, он ещё немного хромал.

– На какую ногу?

– Мне показалось, он предпочитал опираться на правую ногу.

– У него были усы?

– Нет. Он был начисто выбрит.

– Сколько лет вы бы дали ему на вид?

– О, мистер Иббс, я безнадежна, когда дело доходит до определения возраста. Возможно, около сорока.

– А теперь самый главный вопрос: вам приходилось видеть его прежде?

Она вдруг приобрела на удивление скромный вид.

– Даже столкнись я с ним сотню раз за минувшие годы, я бы не смогла этого вспомнить.

Он был совершенно невзрачным человеком.

– Всё ясно. Спасибо, мисс Кэш. Вы всё равно очень сильно помогли. Сейчас, если вы не против на минутку сменить тему, что вы думали о самом мистере Дине? Он был хорошим управляющим?

Кажется, этот вопрос слегка оскорбил её, что было неудивительно.

– Он был образцовым начальником, – сказала она с надменным видом, – и безупречным джентльменом.

Иббс нацарапал небрежное «интрижка?» в своей записной книжке. Это было весьма вероятно. Но действительно ли имело значение то, что между Дином и одной из его подчинённых была связь? Возможно, если бы Карла знала об этом...

– Вы когда-нибудь встречались с миссис Дин?

– Разумеется. Но я надеюсь, что больше никогда не встречу. Она злая женщина, просто ужасно, что она сделала с бедным мистером Дином. – Очевидно, мисс Кэш неверно определила

намерения Иббса. Скорее всего, ей взбрело в голову, что он работал на стороне обвинителя. Иббс решил снова сменить тему:

– За две недели до смерти мистера Дина в этом банке произошло ограбление, верно? Не могли бы вы рассказать мне об этом?

– Ох. – Слезы навернулись на её глазах. – Ох, это было просто ужасно. Бедный мистер Моррисон. Он был таким милым пожилым господином. С ним поступили ужасно жестоко.

– Вы знали Артура Моррисона?

– Да, конечно! Он проработал в этом банке около тридцати лет. Мы все его знали и очень любили.

– Вам известно, по какой причине он был в банке в ночь ограбления? Мне показалось, что он оказался здесь незапланированно. По крайней мере, такое впечатление создалось у меня после беседы с мистером Дрейвеном.

Впервые мисс Кэш показала неуверенной в себе.

– Знаете... Я не могу сказать точно. Мне известно, что это мистер Дин попросил его остаться здесь на ночь. Но я не могу ответить, почему.

Итак, снова ограбление. Когда оно произошло, Иббс узнал об этом из новостей как об очередной грязной, неприятной истории, которые ненадолго привлекают внимание людей, чтобы затем испариться, словно их уносит сильным ветром. Он с трудом сумел установить, что несчастный управляющий злополучным банком был тем самым Домиником Дином, который умер от огнестрельного ранения всего две недели спустя. Теперь мысль о взаимосвязи этих двух преступлений не казалась такой уж фантастической. Работа Иббса заключалась в том, чтобы разобраться во всём как можно более подробно, начиная с личности мистера Бойда Ремистона.

Когда стало ясно, что мисс Кэш рассказала всё, что только могла рассказать, Иббс поблагодарил её за уделённое время и ушёл.

Возле банка он поймал такси.

– Скотланд-Ярд, – задумчиво бросил он водителю, откинувшись на спинку сиденья.

Глава 3

Поразительный мистер Спектор

Оказавшись в Скотланд-Ярде, Иббс подошел к бюро и попросил инспектора Флинта. Сержант оторвался от своей газеты – он читал «Хронику» – с явно скучающим видом.

– Его здесь нет, – сказал сержант.

– А когда он вернется?

– Боюсь, я не могу вам ответить. Попробуйте прийти сюда снова завтра.

Завтра наступала суббота, и Иббс сомневался, что в этот день ему больше повезет.

– Вы знаете, где он сейчас?

– Знаю. – А у сержанта всё было схвачено.

– Так вы мне скажете?

– Нет. Не скажу.

С тяжёлым вздохом Иббс сунул ему пять шиллингов. Он мог вернуть эту сумму позже из кассы мелких рабочих расходов. Спрятав купюру в карман, сержант ответил:

– Он в Олд-Бейли, там сейчас судят Пилгрима.

– Пилгрима? – Иббс постарался, чтобы в его голосе не просквозило удивление. Тит Пилгрим был одним из самых известных преступников, промышлявших в Лондоне, со времён Дерзкого Джека. Но методы Пилгрима несколько выделялись из общей массы. Он имел множество общих черт с гангстерами, наводящими шум в Соединённых Штатах. Прикрывался личной «законопослушного бизнесмена», если выразаться по старинке. Хотя было общеизвестно, что он был причастен к вооружённым рэкётам, торговле наркотиками, подпольным азартным играм, проституции и... Что сказать? Этот список можно было продолжать вечно.

Иббс никогда не пересекался с Пилгримом (на своё счастье), но тот факт, что в этот самый день его судили, не показался таким уж неожиданным. По иронии судьбы, вопреки отчаянным усилиям Скотланд-Ярда, Тит Пилгрим так и не получил должного приговора. Ни разу. Сегодняшнее судебное разбирательство касалось мелкого обвинения в финансовых махинациях и приобрело непомерную огласку в бульварной прессе исключительно из-за участия Пилгрима. Его имя всегда было залогом востребованных сенсаций.

Сержант, у которого неожиданно развязался язык, сказал Иббсу, что Флинт даже не принимал участия в даче показаний на сегодняшнем суде. Он просто хотел поглазеть на шоу.

– У него свой пунктик насчёт Тита Пилгрима, – признался сержант.

Иббс поблагодарил его и покинул участок, поймав ещё одно такси, которое, петляя по застойным улицам Лондона, помогло ему преодолеть полторы мили от дворца Уайтхолл до Олд-Бейли. Толпа репортёров суежилась на каменных ступенях перед зданием суда. Иббс приблизился к ним и крикнул:

– Он ещё не появился?!

Естественно, все сразу поняли, о ком был вопрос, и ответили дружными кивками. Закурив сигарету, Иббс принялся ждать. День близился к завершению, но был уже достаточно продуктивным. У Иббса начала зарождаться теория. Он был достоин возможности удовлетворить свое непомерное любопытство.

– Хей! – воскликнул кто-то в толпе. – Он здесь!

И точно, он был здесь. Пилгрим покинул Олд-Бейли развязным шагом, в меховом воротнике, накинутом на его плечи, и чёрном хомбурге⁹, прикрывающем густую гриву седых волос. Он пожёвывал сигару, сквозь зубы выпуская в воздух клубы дыма.

⁹ Хомбург – фасон шляпы из фетра с продольным заломом на куполе и загнутыми вверх полями.

За ним поодаль следовал инспектор Джордж Флинт. На тот момент Иббсу не было известно, что Флинт только начал выздоравливать после простуды и его горло всё ещё першило. Его усы, хоть и очень густые, выглядели блёкло и неухоженно. Инспектор был бледным, пузатым и в целом не очень здоровым на вид. Иббс без труда пошёл с ним в ногу, хотя Флинт продолжал смотреть только на Тита Пилгрима. Безразличные к окружавшим их камерам, они вдвоём растолкали репортёров, чтобы добраться до Пилгрима.

– О, мистер Пилгрим... – вкрадчиво позвал Флинт.

Пилгрим замер как вкопанный и обернулся, чтобы взглянуть на полицейского с выражением игривого веселья.

– О, Флинт. А я вас не узнал, – сказал он небрежно, но внятно, вопреки сжатой в зубах сигаре. – Пришли меня поздравить?

– Нет, – решительно отозвался Флинт. – Я пришёл, чтобы сказать, что я глаз с вас не спущу.

– Я и не ожидал меньшего от лучшего инспектора Скотланд-Ярда. – Он, похоже, обладал редким самодовольством и любил красоваться на глазах у толпы. Несомненно, он должен был устроить настоящее шоу в суде.

В этот момент рядом остановился элегантный черный лимузин, и Тит Пилгрим поспешил забраться внутрь. Когда автомобиль унёс его прочь, только стойкий запах его сигары продолжал указывать на факт его недавнего присутствия.

Инспектор Флинт какое-то время стоял молча, провожая лимузин взглядом до поворота за угол. В который раз Пилгрим ускользнул из его рук. Почти мгновенно Флинта окружили репортёры. Издав разочарованный стон, он предпринял попытку уйти подальше от них. Иббс кинулся следом, желая догнать его:

– Инспектор Флинт. Инспектор Флинт!

– Без комментариев, – отрезал он.

– Вы неправильно поняли. Я не репортёр.

– О, правда? – Флинт всё-таки замедлил шаг, чтобы позволить Иббсу его нагнать.

– Правда. Меня зовут Эдмунд Иббс. Я адвокат. Я хотел обсудить с вами дело Дина.

– Дело Дина? То есть Доминика Дина?

– Именно.

– Что ж вы сразу не сказали? Давайте-ка отойдём подальше от этого журналистского сброда.

Они направились в ближайшую чайную. Репортёры уже начали терять к ним интерес, но Иббс впервые начал понимать истинный масштаб этого дела. Идеи беспорядочно роились в его голове, когда его взгляд мельком наткнулся на голубой котелок, лавирующий в его сторону сквозь толпу. Это был Миклош Варга, работник ярмарки. Иббс шагнул в его сторону, чтобы приглядеться получше, но краткий цветной всполох сразу же исчез.

Когда они с Флинтом благополучно устроились за столиком в углу опрятной чайной с застеклённым фасадом, Иббс решил на первую попытку перейти к делу.

– Я представляю защиту Карлы Дин, – заявил он.

Бровь Флинта легонько дернулась.

– Не слишком ли вы молоды для подобного, мистер Иббс?

– Эм, ну, вероятно, мне следовало сказать, что я работаю на того, кто на самом представляет её защиту.

– Ах. Что ж, в таком случае вам весьма повезло с работой. В этом деле всё здесь достаточно грубо и ясно.

– Вы уверены? Кажется, в вашем голосе я слышу сомнение.

В этот момент молодая официантка подошла к ним, чтобы принять заказ. Иббс ограничился порцией чая «Эрл Грей», а вот Флинт, похоже, не имел намерения мелочиться.

– Это же полдник. Сэндвичи, пирожные – всего понемногу. Мой друг Иббс платит сегодня.

Пока официантка записывала заказ, Иббс забавлялся небольшим трюком с монетой, перекачивая её между фалангами пальцев.

– Весьма искусно, – похвалил Флинт. – Вы фокусник, да?

Иббс положил монету на ладонь, затем сжал в кулаке, пытаясь спрятать её. Но внимания собеседника сбило его с толку, и монета выскользнула из руки. Она упала на мягкий ковёр, покрывающий пол.

– Эм, сказать по правде, да, – ответил он, наклонившись, чтобы поднять монету.

– Я сам такими вещами никогда не интересовался, – продолжил Флинт, вынув из кармана трубку и задумчиво прикусив её конец. – В повседневной жизни и так слишком много сверхъестественного, чтобы придумывать что-то ещё. Возьмём, к примеру, наш случай на колесе обозрения. Если у меня и есть причина сомневаться в его разгадке, так это её излишняя простота. У нас есть всего одно орудие убийства, одна жертва и один подозреваемый. А место преступления можно описать как «безнадёжно непреступное». Итак, разгадка подана на блюдечке. Но она слишком проста, чтобы оказаться истиной, вам так не кажется? И у меня есть друг, который предпочитает косвенный подход прямому, когда дело касается подобных дел. Он убедил меня, что если что-то настолько просто и хорошо, что кажется неправдой, зачастую так оно и есть.

– Не пытаетесь ли вы сказать, что считаете Карлу Дин невиновной в гибели её мужа?

Флинт усмехнулся.

– Вам меня так легко не подловить, мистер Иббс. В конце концов, у полиции изначально было достаточно доказательств, чтобы передать дело суду. Мои слова означают лишь то, что я желаю установить справедливость. Какими бы ни были её последствия, – загадочно добавил он. – Оставим этот разговор на время.

– Это ведь вы вели расследование ограбления банка, где работал Дин?

– Я предпочитаю называть это дело «Убийством Моррисона». Не стоит упускать из внимания, что бедный пожилой ночной сторож был умышленно забит до смерти.

– У вас есть зацепки?

– Всего одна, и вы, наверное, догадываетесь, о чём именно речь. Тит Пилгрим.

– Вы думаете, что к ограблению банка Дина причастен Пилгрим?

Флинт со вздохом откинулся на спинку стула.

– Мои коллеги – во всяком случае, некоторые из моих коллег, – думают, что у меня зуб на Пилгрима. Возможно, это действительно так. Но это не отменяет известных мне фактов, и я точно знаю, что Тит Пилгрим организовал немало ограблений в прошлом, и они были практически идентичны тому, что случилось на Голдерс-Грин. Конечно, он умен, так что он знает, как избежать наказания за подобные выходки. Нам так и не удалось уличить его ни в одном преступлении. Вот почему он разгуливает по улицам Лондона свободный, словно птица. Но я достану его со дня на день, можете не беспокоиться.

– Однако это ограбление было не особенно успешным, не так ли? – спросил Иббс. – Ведь сторож был убит. Но мне кажется, в этом не было необходимости, а вам?

В это самое время принесли чай. Официантка поставила перед Флинтом исполинскую пирамиду сэндвичей; он взглянул на еду с откровенным блаженством. Иббс налил себе чашку «Эрл Грея» и окунул в неё пару кусочков сахара.

– Почему вы так интересуетесь ограблением? – пробубнил Флинт, едва открывая набитый яйцом и кресс-салатом рот. – Думаете, есть какая-то связь между ним и убийством Дина?

– Именно так и думаю, – признался Иббс. – Конечно, моя обязанность – защищать Карлу Дин, и больше ничего. Но, если удастся доказать, что Доминик Дин был одной из фигур в деле об ограблении банка, тогда можно будет вызвать у присяжных разумную степень сомнения в случившемся.

– Я понимаю... Так вы полагаете, что Дин был сообщником под прикрытием? Что он участвовал в ограблении собственного банка изнутри?

– Сообщник под прикрытием! Это оно! Точно! Я ломал голову целую вечность, но никак не мог подобрать подходящий термин. Да, мне кажется, что Тит Пилгрим заплатил Доминику Дину за предоставление информации, которая позволила его банде взломать сейф и ограбить банк. Но никто не ожидал, что в конечном итоге будет убит бедный сторож. Доминик Дин, должно быть, чувствовал ужасную вину за это. Я сомневаюсь, что он смог бы хоть когда-нибудь оправиться от подобного.

– И вы думаете, что он собирался всё рассказать? Схема, пришедшая вам в голову, довольно сложна, мистер Иббс. И тогда стоит предположить, что это Пилгрим убил Дина. Но вы ещё не смогли объяснить, как он мог это сделать, пока Дин катался на колесе обозрения со своей женой.

– Это просто случайность. Здесь можно проследить логическую цепочку, инспектор. Вот что действительно важно. Она позволит повлиять на мнение присяжных. Кстати говоря, я не думаю, что это возможно, но не сталкивались ли вы с парнем по фамилии Ремистон? Бойд Ремистон?

– Ремистон? – Флинт нахмурился. – А как по буквам?

– Р-е-м-и-с-т-о-н, кажется.

Инспектор покачал головой.

– Нет, не думаю, что это имя мне хоть о чём-то говорит. Где вы его услышали?

– Я склонен полагать, что Ремистон присутствовал при убийстве Дина. И он довольно поспешно скрылся с места происшествия, как только услышал выстрел.

– Интересно. Очень интересно. Возможно, вы могли что-то нащупать, мистер Иббс. И в убийстве Дина определённо есть подозрительные моменты, этого нельзя отрицать. Но от практической стороны вопроса так просто не скрыться, верно? У меня есть один знакомый, который имеет пристрастную склонность к подобного рода вещам. Возможно, вам стоит поговорить с ним. Его зовут Джозеф Спектор.

– Спектор? Фокусник?

– Да, когда-то он был фокусником мюзик-холла. Но с некоторых пор он в отставке. Сейчас он более чем полезен в объяснении необъяснимого. Я обращался к нему за помощью много раз.

– Надо же, подумать только, – услышал Иббс собственные слова, – Фокусник Спектор расследует преступления...

– Постарайтесь не показывать, что вы его поклонник. Если он узнает, мигом примется важничать и красоваться, словно павлин.

– Где его можно найти?

– Обычно он убивает время в пивной «Чёрный свин» в Патни. Его очень легко отыскать по следу отвратительной вони сигарного дыма, но я, пожалуй, всё же перестраховуюсь и дам вам адрес.

Иббс допил чай, и они с Флинтом обменялись рукопожатиями.

– Благодарю за помощь, инспектор.

– Знаете, – вновь заговорил Флинт, не прекращая жевать, – я провёл множество часов в попытках схватить Тита Пилгрима. Если вам удастся доказать его причастность к делу Дина, я окажу любую посильную помощь.

«И не забуду приписать это к своим заслугам», – мысленно добавил Иббс, сумев воздержаться от того, чтобы произнести это вслух. Затем они с инспектором разошлись, и Иббс сел, должно быть, уже в сотый омнибус за день. Только на этот раз он наконец направлялся на Чен-сери-Лейн, чувствуя себя довольным проделанной за день работой.

Как только Иббс вернулся домой, он быстро принял ванну и спешно поужинал, прежде чем ему снова пришлось выйти на улицу. На этот вечер у него был взят билет в Гранатовый

театр, на одно из редких шоу ошеломительного профессора Паолини. И тем не менее Иббс улучил момент, чтобы мимолётно взглянуть на потрепанный плакат, приклеенный к стене его спальни, ради получения которого он с невероятным усердием боролся с толпой таких же поклонников. На плакате был изображен лихой малый в плаще с шёлковой подкладкой, держащий веер из игральных карт. «Поразительный мистер Спектор» – гласила надпись внизу.

Глава 4

Иллюзия с ящиком

Вечером Иббс решил выдворить Динов и Тита Пилгрима из своих мыслей. Некоторое время он мечтательно листал «Мастера манипуляций», но до начала представления оставалось всё меньше времени. Это было шоу, которого он с нетерпением ждал: возвращение Паолини.

Профессор Паолини был дородным, усатым и зачастую (хотя и не всегда) говорил, изображая итальянский акцент. Вопреки этим недостаткам Иббс искренне восхищался его мастерством. Его трюки всегда превосходили ожидания. В частности, весьма изящная интерпретация иллюзии «Месть ассистента» навсегда запечатлелась в памяти Иббса.

Как правило, для выполнения этого фокуса помощника привязывали к стулу или запирали в ящике так, чтобы его голова торчала через специальное отверстие. Затем его накрывали простынёй. Фокусник обходил стул или ящик кругом, скрываясь за ним и ненадолго исчезая из поля зрения публики только для того, чтобы на его месте появился ассистент, который сорвет простыню и продемонстрирует аудитории фокусника, в свою очередь оказавшегося в заточении. Это был один из любимых трюков Иббса из-за необходимых для его выполнения скорости и точности; смена местами обычно занимала несколько долгих секунд.

Но версия Паолини несколько отличалась. В ней ассистент был не только связан, но и подвешен за ноги вниз головой на чём-то, весьма отчётливо напоминающем мясницкий крюк, и вместо обычных пут использовалась смирительная рубашка. Затем ассистента укрывали в похожую на саван простыню, скрывавшую его от глаз публики, а Паолини вставал позади. И через считанные мгновения – мгновения! – ассистент появлялся перед зрителями, чтобы сорвать покров, демонстрируя самого Паолини, подвешенного вниз головой в смирительной рубашке.

Под шум аплодисментов цепь поднимала Паолини вверх, чтобы там его развязали работники сцены. Иббсу удалось догадаться, как выполнялась определённая часть этого трюка (во всяком случае, он так думал). Когда помощника подвешивали вверх тормашками и укрывали полотном, очертания его фигуры становились расплывчатыми, если не считать тени, созданной силуэтом ступней. Поэтому Иббс предполагал, что ступни ассистента должны были фиксироваться в специальных крепежах, форма которых создавала очертания человеческих ног, когда помощник оказывался на свободе. Это позволяло ассистенту ускользнуть сразу, как опускалась простыня, хотя со стороны казалось, что там всё ещё кто-то висел. Но это не объясняло, как Паолини в свою очередь оказывался в ловушке за пару мимолётных секунд. Он делал всего один шаг, скрываясь за простынёй, а затем сразу же... выходил помощник. Одним движением он снимал полотно, чтобы показать, где теперь висел фокусник.

Конечно, смирительную рубашку следовало заведомо пришить к одежде Паолини, а затем прикрыть сверху фальшивым костюмом, который должен был легко срываться. Это объяснило бы, как он столь быстро оказывался в путах. Но это не могло объяснить, как его удавалось подвесить на крюк менее чем за три секунды.

Иббс ещё не столкнулся с разоблачением этого трюка, просматривая «Мастера манипуляций», хотя твёрдо верил, что и оно не ускользнуло от внимания неуловимого доктора Аннел Р. Азал. Только вот кто это был? Возможно, сам Паолини, взявший на себя самоубийственную миссию по уничтожению своей карьеры вместе с карьерами всех потенциальных соперников? Возможно, он был тяжело болен. Или даже умирал. Возможно, он хотел сохранить своё мастерство в веках. Или, быть может, эта книга была делом рук кого-то из его врагов, стремящихся разрушить репутацию мастера?

Шоу проходило в Гранатовом театре в Вест-Энде, и, как и ожидал Иббс, мимолётное возрождение такой легенды, как Паолини, привлекало к себе множество звёзд. Иббс стоял на

улице перед театром, сжимая в руках программку и ожидая, когда откроются двери. Почти пять лет Паолини не появлялся на лондонских сценах. Всё это время он провёл в мировом турне, выступая в различных театрах от Австралии до Утрехта. Его возвращение в английские земли было настоящим фурором и вызвало интерес множества фокусников. Иббс глазел на них, поражённый.

Здесь был П. Т. Селбит с его ящероподобным ртом и зловещими очертаниями профиля. Он был тем, кто впервые исполнил трюк с распиливанием женщины пополам, который вскоре прослыл классикой магической сцены. Но для человека, имеющего блистательную репутацию новатора, он был слишком уж скромнен на вид. Затем были Ловкач Барток, Руклер и Милдред, Уилл Голдстон и даже великий Дэвид Девант – они стояли в общем кругу и приятельски болтали, как будто это было более чем естественным положением дел. Иббс испытывал волнение. И в то же время все эти иллюзионисты имели вид хищников. Они походили на рычащих волков, вот-вот готовых наброситься.

В массе толпы Иббс приметил ещё одно знакомое ему лицо. Морщинистое, доброе лицо с бледно-голубыми глазами. Это был не кто иной, как Джозеф Спектор. Сердце Иббса пропустило удар при виде старого фокусника мюзик-холла, но он решил не беспокоить кумира. Обсуждение дела Дина могло подождать и до завтра. В конце концов, сегодня была ночь Паолини.

* * *

Магические шоу были несравнимы ни с чем иным. Здесь царит атмосфера нервного возбуждения, и толпа, собравшаяся перед Гранатовым театром, это подтверждала. Именно это отчасти и привлекало Эдмунда Иббса с его внутренним юношеским духом. Его увлечение не ограничивалось одним лишь набором замысловатых трюков. Во многом оно строилось на интриге перед лицезрением эффекта, который иллюзии оказывали на людскую толпу. На том, как человеческий мозг справлялся с демонстрацией того, что было физически невозможно. «Особенность Паолини в том, – сказал кто-то однажды, – что он всё делает по-своему. Например, если он решит поймать рукой пулю, то он не станет просто ловить её, он заставит эту самую пулю влететь в зал через зрительские ряды, разбив оконное стекло. Он обыгрывает любые идеи при помощи риска. Именно это и создаёт столь потрясающий эффект».

Двойственное состояние духа, пропитывающее магические шоу, поражает аудиторию – люди и хотят и не хотят быть одураченными. Возможно, в этом смысле они подобны коллегии присяжных – они готовы верить Иббсу, но желают сохранить статус-кво своего личного мнения. Иббс размышлял об этом, когда двери здания распахнулись и человеческий рой потянул его в сторону фойе. Вскоре зрителям разрешили располагаться в зале. Он вошёл туда вместе с остальными и занял положенное место.

Во многих отношениях Паолини являлся превосходным фокусником. Он всегда был соответствующе одет: в цилиндре и фраке, с плащом на шелковой подкладке и тростью с серебряным навершием (если, конечно, не учитывать номеров, завязанных на ментализме, ради которых он отказался от цилиндра в пользу тюрбана). В его жестах присутствовала изящная, почти изнеженная манера опыта и сноровки, проявляющаяся в лёгких взмахх руками, сопровождающих даже самые незначительные движения. Брови Паолини были очень примечательны, казалось, что у него их целых три: две над глазами и одна над верхней губой. Под цилиндром скрывалась лысая макушка, облепленная тонкими прядями черных волос – здесь он не создавал иллюзий. Паолини являл воплощение всего, что только можно было пожелать от фокусника, он был именно таким, каким его печатали на афишах. Его глаза выглядели гип-

нотически выпученными, словно у Свенгали¹⁰, и он, по общему впечатлению, моргал значительно реже, чем было необходимо живому человеку. Правда его брюшко в значительной степени растягивало рубашку, из-за чего пуговицы едва держались в петлях, как будто они могли в самый неподходящий момент оторваться и полететь в толпу. Иббсу в голову пришла чудачья мысль о том, что он мог бы поймать одну в качестве очередного сокровища среди его скудной коллекции волшебных сувениров.

Под бурные овации Паолини возник на сцене в клубе синего дыма. Он заставил аудиторию затихнуть взмахом руки и заговорил:

– Дамы и господа, недавно в свет вышла книга, утверждающая, что в ней разоблачаются все тайны иллюзионистов вроде меня. Она нацелена передать публике маленькие уловки и секреты мастерства, которые я и мои коллеги используем во имя вашего развлечения. Но подобные посягательства не имеют смысла, дражайшие дамы и господа, поскольку они упускают одну деталь, благодаря которой наше дело живёт. Магию. В качестве аперитива нынешнего вечера я покажу вам трюк, который ещё никому не удавалось «разоблачить». Марта, прошу на сцену.

Из-за кулис вышла его ассистентка Марта. Ее сверкающий костюм был монолитным, тонкая ткань облегалo её тело от ключиц до бедра. Она была усыпана блёстками, сверкание которых рассеивало внимание зрителей – Иббсу было известно об этой уловке. Но её ноги, обтянутые чулками, тоже мешали ему концентрироваться. Всё это было частью шоу, всё было частью шоу. Волосы у Марты были короткие – едва доставали до плеч, – но они очаровательно вились, создавая безумно объёмный ореол. Она и сама была атрибутом представления; её лицо обладало сверхъестественной симметрией, а кожа имела фарфоровую белизну. Её тонкие губы были подчеркнуты кроваво-красной помадой, а тёмные глаза эффектно увеличивали серовато-чёрные линии карандаша для век. У её туфель были высокие каблуки, с каждым шагом звонко цокающие о сцену. Иббс не мог понять, имели ли туфли чисто эстетическое предназначение или всё же должны были выполнять какую-то функцию. Возможно, стук каблуков скрывал какой-нибудь механический шум, доносящийся из-за кулис, – опускающуюся лебедку или нечто подобное. Этим был поглощён разум Иббса в тот вечер.

Марта подошла к Паолини, держа в руках серебряный поднос, накрытый тканью. Паолини размашистым движением сдёрнул полотно. Под ним оказался револьвер 38-го калибра. Иббс подумал о Доминике Дине, и по его спине пробежал неожиданный холодок.

– Револьвер, – объявил Паолини, схватив оружие с подноса. – И, уверяю, заряженный. – Он открыл патронник и показал толпе цилиндр с шестью пулями. – Многие великие волшебники – даже более великие, чем я, – погибли, пытаясь воплотить эту иллюзию. Возьмём, к примеру, великолепную мадам ДеЛински, ненароком подстреленную перед королевским двором Германии! Или моего уважаемого коллегу Чон Лин Су, который почти два десятилетия назад погиб на сцене в нескольких милях от этого самого театра. А напоследок можно упомянуть и подражателей с шарлатанами, неразумных любителей, таких как Арлен Дранзаль или «Чёрный маг Запада», продавец змеиного масла¹¹, застреленный на глазах у публики собственной женой в городе Дедвуд в Южной Дакоте.

Он с излишне явным наслаждением декларировал некролог о трагически почивших магах, но Иббс думал только о Чон Лин Су. Ему было девять, когда этого волшебника не стало, и новость об этом опустошила детское сердце. Ещё двоими жертвами собственных шоу были доктор Эпштейн и Майкл Хатал. Список фокусников, застреленных на сцене, и без того большой, казалось, с каждым годом становился все длиннее. Иббс взмок. Если бы в тот момент кто-то спросил о его ощущениях, он бы ответил, что это волнительно и вместе с тем бесконечно

¹⁰ Свенгали – главный антагонист романа «Трильби», принадлежащего авторству Джорджа Дюморье.

¹¹ «Змеиное масло» в данном случае вряд ли употребляется в буквальном смысле. Выражение «*snake oil*», как и его русскоязычный аналог, является устаревшим и преимущественно забытым эвфемизмом, обозначающим мошеннические схемы торговли, создающие обманчивое впечатление о своей причастности к медицинской сфере.

тревожно наблюдать, как иллюзионист берёт в руки револьвер. Но если бы вопрос поступил позже, когда всё уже было кончено, он бы сказал, что испытывал предчувствие. Что знал – что-то должно было произойти в эту ночь.

– Я знаю, о чём вы сейчас думаете. Вы думаете: Паолини – профессиональный лжец! Ведь очевидно, что это оружие – всего лишь бутафория, которая не способна выпускать боевые патроны! Что ж, позвольте развеять ваши сомнения. Вы, сэр! – Паолини наклонился вперед, протягивая оружие человеку, сидящему в первом ряду. – Возьмете револьвер и проверьте, не фальшивый ли он? – Мужчина что-то промямлил и взял револьвер, повертев его в руках. – Очень хорошо. Вы удовлетворены его качеством? – Послышалось бормотание сбивчивого ответа. – Превосходно. Тогда не могли бы вы передать его человеку, сидящему прямо за вами? – мужчина так и сделал. Постепенно револьвер переходил из рук в руки среди зрителей, занимающих три передних ряда. Как только в зале поднялся ропот публики, Паолини взял оружие назад. – Итак! – воскликнул он. – Револьвер настоящий. Пули настоящие. Что касается цели, – он похлопал себя по округлому животу, – она вот. Для этого трюка мне потребуется помощь добровольца. Однако я должен предупредить всех присутствующих, что существует реальная угроза смерти иллюзиониста, выполняющего этот трюк. Я уверяю вас, что в случае моей случайной кончины Гранатовый театр снимет с выстрелившего любую возможную ответственность. Всё ясно? Есть желающие?

Паолини щелкнул пальцами, и в зале зажегся свет. Иббс инстинктивно съезился в своем кресле. Глупый поступок, ибо это движение не ускользнуло от взгляда Паолини.

– Вы, сэр! Господин, сидящий в третьем ряду! Не обяжете?

Со вспыхнувшим на лице румянцем Иббс поднялся на ноги. Под звуки взбудораженных аплодисментов он вышел на сцену. Ассистентка Марта улыбнулась ему и протянула револьвер.

Он оказался тяжёлым. Почему-то Иббс не ожидал, что оружие и впрямь окажется настоящим. Но оно было таковым. Револьвер с шестью боевыми патронами. Иббс вновь подумал о Доминике Дине и его жене Карле. В его голове начала формироваться идея.

В очередной раз Паолини взмахнул рукой, чтобы публика замолчала. Марта выкатила на сцену большое оконное стекло. С прилежной точностью она расположила его между Иббсом и Паолини.

– Как ваше имя, сэр?

– Эдмунд.

– Вам когда-нибудь прежде доводилось обращаться с оружием, Эдмунд? – Иббс покачал головой. – Хорошо. Смее заверить, это довольно просто. Всё, что вам нужно сделать, это тщательно прицелиться. Вот, эта мишень должна быть достаточно крупной для вас. – Паолини широко открыл рот. По зрительному залу прокатился нервный смешок.

Иббс сделал, как ему сказали, хотя его руки начали слегка дрожать. Его меткость была весьма шаткой. Ему вдруг пришло в голову, какой это был бы изящный способ убийства: идеальный вариант, чтобы избавиться от доставляющего трудности мага.

– А теперь, – скомандовал Паолини, – огонь!

Иббс нажал на курок. Выстрел был оглушительным, и отдача заставила его отшатнуться на несколько шагов назад. Публика вздохнула, когда оконное стекло разбилось, а Паолини, пошатываясь, привалился к ограждению сцены.

Марта рванулась вперед, вырвав револьвер из трясущейся руки Иббса. Паолини упал на колени.

Вздохи толпы сменились шокированным ропотом. Иббс взглянул в каменное лицо Марты. Она стояла неподвижно, молчаливая и статная, пока Паолини содрогался в жутких конвульсиях.

Иббс никогда раньше не видел, как умирает человек. Всё выглядело не так, как он себе представлял. Крови не было. Ни единой капли. Иббс нахмурился, и менее чем через секунду

Паолини вдруг вскочил на ноги, ухмыляясь и сверкая пулей, сжатой в зубах. Он вынул её двумя пальцами, затянутыми в перчатку, и передал Иббсу.

– Можете оставить её себе, Эдмунд, в память о той ночи, когда Паолини обманул смерть! А теперь, пожалуйста, вернитесь на свое место.

Напряжение в зале разрядилось. Аплодисменты были сбивчивыми и бурными. Какое начало шоу!

Иббс практически рухнул на свое кресло, сунув пулю в карман.

Остаток представления прошёл словно в тумане. Веки Иббса начали тяжелеть. Несомненно, дневные тяготы наконец подавили его. Он несколько раз моргнул и приосанился на своем месте. Выступление Паолини было таким же блестящим и профессиональным, как и всегда. Он продемонстрировал «Мечь ассистента», но Иббс слишком быстро разгадал его уловку.

Теперь Марта выкатила на сцену весьма крупный ящик. Он был, пожалуй, футов семь в высоту. Когда ящик был установлен в центре сцены, Марта открыла створку позади него, которая распахивалась вправо, а затем и переднюю створку, которая распахивалась влево, чтобы зрители могли увидеть ящик насквозь.

– А сейчас, – вновь объявил Паолини, вытащив на сцену небольшой квадратный сундук, – для своего следующего номера я хотел бы углубиться в славное прошлое Англии. Представляю вашему вниманию кусочек истории. Вернее, пять кусочков. – Из сундука он достал часть доспеха для ног, которую поставил вертикально, словно пару оторванных конечностей. – Это часть доспехов, которые носил сам сэр Ланселот, великий рыцарь Англии. Легенда гласит, что, когда его доспехи снова будут собраны, его дух воскреснет и вновь спустится на эту великую цветущую землю! – Затем из сундука Паолини вынул нагрудник, железные рукавицы и, наконец, шлем. Он присоединил их друг к другу так, что некогда разрозненные части образовали бронированный манекен.

Затем манекен в вертикальном положении был помещён внутрь семифутового ящика, и передняя дверца была закрыта, как и задняя. Направляемый Паолини с одной стороны и Мартой с другой, ящик повернулся вокруг своей оси. После произнесения нескольких приглушенных заклинаний, Паолини приготовился открыть дверцу.

– Заклинание в действии, – провозгласил он, – узрите, как сэр Ланселот выйдет к вам... – С характерным шармом он распахнул переднюю створку ящика. Как и прежде, доспехи стояли вертикально. Паолини и Марта замерли по обе стороны от ящика, их лица выражали восхищение и изумление. Но развязка трюка слишком затянулась. Иббс заметил, как эти двое обменялись неуверенными взглядами. Что-то пошло не так. – Узрите, – повторил Паолини, – как он выйдет к вам из глубин истории...

А затем доспех рухнул вперед. Он разлетелся на куски с оглушительным лязгом, и толпа в один голос ахнула. Шлем покатился по сцене и свалился на колени женщине в первом ряду, вызвав визг. Из ящика, прежде скрытая за полым доспехом, выпала еще одна фигура. Человека было нетрудно узнать по его обличающему костюму.

Паолини опустил на корточки рядом с телом.

– Христос, – сказал он. Любое подобие итальянского акцента исчезло из его речи. Тело не двигалось. – Возьми его за ноги, – велел Паолини Марте. Они вдвоем перевернули неподвижного мужчину на спину. Когда Иббс смог разглядеть его лицо, он понял, что его изначальные, казалось бы, совершенно невероятные опасения не подвели. Можно было с уверенностью сказать, что на сцене лежал последний человек, которого он ожидал увидеть выпавшим из волшебного ящика в этот вечер.

Это был Миклош Варга. Билетёр в клетчатом костюме.

– Здесь есть врач? – обратился к публике Паолини.

– Пожалуйста! – выкрикнул Иббс, поднявшись со своего места и направившись к сцене. – Пожалуйста, ничего здесь больше не трогайте!

- Вы из полиции? – спросила Марта.
- Нет. Я адвокат. Но, пожалуйста, делайте, как я говорю. Я знаю, кто этот человек.
- Ну и кто же он, чёрт возьми?

Из зала донеслось несколько испуганных криков, когда зрители наконец поняли, что трюк не только не удался, но и оказался смертельным. Глаза Варги были закрыты. Его тело покоилось на руках взволнованного Паолини.

Иббсу удалось взобраться на сцену как раз перед тем, как опустился занавес. Он оттолкнул опустевший ящик прочь, и тот укатился за кулисы, его деревянные дверцы захлопнулись. Иббс опустился на колени и коснулся лба Варги. Холодный, словно камень. Варга был мёртв уже долгое время.

- Как это произошло?
- Я не знаю. Клянусь, я не знаю.

Директор театра быстро взял зал под контроль. У каждого выхода расположились капельдинеры, чтобы убедиться, что никто не покинет театр до прибытия полиции. В зале зажглись огни, и Паолини кинулся прочь со сцены с болезненным видом.

Тем временем Марта приблизилась к Иббсу.

- Что это значит? Что случилось?
- Я пока ещё не понимаю, что...
- Ты сказал, что знал этого человека?
- Я не знал его... Сегодня я встретил его впервые...
- Тогда как он здесь оказался?
- Я... – Иббс задумался. – Нет, это попросту невозможно. Таких совпадений не бывает.
- Что ж, в одном Паолини был прав, – лукаво заметила Марта. – Перед началом шоу он разглагольствовал о том, что его карьера окончена. Теперь это определённо так.

Часть вторая

Скоро стемнеет

Частью влекущего шарма магии является её способность обращать вспять необратимое. С её помощью можно срастить вместе разорванные концы верёвки, восстановить сожжённые записи или оживить мёртвых.

**Мастер манипуляций,
«Почему магия?»**

Всегда заставляйте их желать большего.
**Афоризм о шоу-бизнесе,
зачастую приписываемый П. Т. Барнуму**

Глава 5

Всё это крайне неприятно

Зрители были спешно и организованно выведены из зала капельдинерами. Кто-то – Иббс так и не понял, кто именно – похоже, успел вызвать полицию. В считанные минуты театр оказался битком набит констеблями в форме.

– Где Фабрис? – лопотала Марта. – Я никак не могу его найти. Куда он делся?

– Проверь ящик, – велел Паолини, – я и сам понятия не имею.

Вместе с ними Иббс направился за кулисы, чтобы там начать осмотр «волшебного» ящика.

– Но он же наверняка пуст... – услышал Иббс свой собственный голос. Его реплику проигнорировали. Марта открыла хлипкую деревянную дверцу ящика. К изумлению Иббса, там вдруг обнаружился ещё один доспех. Однако на этот раз доспех вышел наружу и собственноручно снял шлем. Вот в чём крылась разгадка этого фокуса. Под шлемом оказался невзрачный человек, дышащий тяжело и сдавленно, словно загнанная собака.

– Что, чёрт возьми, тут творится? – возмутился он. – Вы прекрасно знаете, что я задыхаюсь в этой штуке. Что за шутки, вы пытаетесь прикончить меня или что-то в этом роде?

– Фабрис! – окликнул Паолини. – Просто скажи, в чём дело?

– В чём дело? – Рыцарь в доспехах саркастически рассмеялся. – Вы сами-то как думаете, в чём дело? Дрейпер посадил меня в ящик, как и всегда. Мне оттуда не видно и не слышно. Что произошло после этого, мне известно не лучше, чем вам.

– Кен, всё плохо, – сказала Марта.

– Ты это мне говоришь?!

– Нет. Я серьёзно. Тут мёртвый человек. Он выпал из ящика.

Рыцарь – Кен Фабрис – какое-то время смотрел на них, всё ещё тяжело дыша и отчаянно пытаясь понять, не разыгрывают ли его.

– Ну, я точно могу сказать, что со мной там никого не было.

Марта отошла немного дальше, открыв взгляду Кена мёртвого Миклоша Варгу, лежащего на сцене там же, где он упал. Вокруг тела всё ещё валялись разбросанные части доспеха.

Лицо Фабриса помрачнело.

– Кто... Кто он?

– Его зовут Миклош Варга, – сообщил Иббс.

– А вы кто?

– Моё имя Иббс. Эдмунд Иббс.

– Иббс был в зрительном зале, – объяснил Паолини. – Я просто не представляю, как всё это произошло. В ящике должен был быть Фабрис.

– Так я и был в ящике...

– В ящике на сцене тебя не было. Когда я открыл ящик в первый раз, из него выпал труп. Где этот проклятый Дрейпер? Может быть, он сможет объяснить случившееся.

– Я бы и рад, Паолини, – раздался хриплый голос. Из тени закулисного алькова вышел старик в рубашке без рукавов. – Но я могу точно сказать: когда я прикатил ящик сюда, внутри был Фабрис. Только Фабрис.

– Он говорит правду, – подтвердил Кен. – Дрейпер собственноручно устраивал меня в ящике.

– В таком случае, – вклинился Иббс, – откуда взялся Варга?

– Простите? – С другой стороны занавеса раздался голос. – Прошу прощения.

– Минутку, – отмахнулся старик Дрейпер. Едва заметно поморщившись, он дёрнул ближайший к нему канат, и занавес приподнялся всего на дюйм.

Амфитеатр уже пустовал, а в зале горел свет. По центральному проходу между рядами шагал некто иной, как инспектор Джордж Флинт.

– Так-так, – протянул он. – Это же юный мистер Иббс. Нам лучше перестать встречаться при подобных сомнительных обстоятельствах. – Инспектор неуклюже вскарабкался на сцену. – Дамы и господа, меня зовут Джордж Флинт, я представляю Скотланд-Ярд. Я попрошу вас всех оставаться за кулисами. Мои офицеры проведут обыск в зале, пока я займусь вашими допросами, чтобы мы могли разобраться во всём как можно скорее. – Он сосредоточил своё внимание на Иббсе, взяв его за локоть и оттащив в сторону. – Ну что за изумительное совпадение? Могу я поинтересоваться, что привело вас сюда сегодня вечером?

– Я пришёл посмотреть магическое шоу.

– Понимаю. И вам, разумеется, известна личность погибшего?

– Да. Боюсь, что это так.

Флинт задумчиво покачал головой.

– Всё это крайне неприятно. Мне не по нраву, мистер Иббс, когда не связанные друг с другом зловещие события и задействованные в них люди внезапно пересекаются.

– Я и сам изо всех сил пытаюсь разобраться, как это произошло...

– Насколько я могу судить, на данный момент существует лишь один фактор, который связывает дело Дина с этим убийством, мистер Иббс, и этот фактор – вы.

– Я... – Иббс попытался выдать из себя сбивчивый ответ, но мгновенно потерял ход собственных мыслей. Его вдруг поглотило беспричинное чувство вины.

– Ну? Что здесь происходит? – спросил Флинт.

– Я... Я не знаю. Я пришёл сюда только для того, чтобы посмотреть представление. И ничего более, клянусь.

– Так вы здесь один?

– Да, я...

– Вы – что?

– Ничего. Я... Я один.

– Вы общались здесь с кем-нибудь? Или узнали кого-то из присутствующих? Вы видели Варгу перед началом представления? Или после?

– Нет-нет, не видел. Я просто пришёл посмотреть волшебное шоу.

– Что ж. У нас здесь случилась небольшая путаница, как я понимаю? – Флинт вёл себя крайне спокойно. Похоже, он не впервые сталкивался с чем-то необъяснимым.

– Я арестован?

– О, не говорите чепуху, молодой человек. Даже если вы каким-то образом причастны к случившемуся, я не думаю, что вы были в силах повернуть этот трюк с трупом на глазах у целого зрительного зала. А вы никогда раньше не входили за эти кулисы, не так ли? Вы здесь такой же чужак, как и я.

– Ну, я... Я понимаю, о чём вы. Но как тогда всё это объяснить?

– В этом-то и проблема, – вздохнул Флинт. – Я не знаю.

– Здесь должна быть какая-то связь с делом Дина, вам так не кажется?

Инспектор пожал плечами.

– На данный момент я не уверен, что мне стоит обо всём этом думать. Нам с минуты на минуту придется отпустить зрителей, так как вряд ли кто-то из них действительно мог что-то видеть. Я намерен сосредоточить своё внимание на персонале, работавшем за кулисами. Хотя стоит заметить, – Флинт бросил в их сторону короткий взгляд, – они кажутся на удивление скрытными. Как будто здесь, в Гранатовом театре, принят какой-то свой, кодекс молчания. Я пытался добиться беседы с Бенджамином Тизелом, владельцем этого места, но, похоже, он за пределами страны.

И тут Иббса осенило.

– Джозеф Спектор, – вспомнил он.

– Спектор? Что с ним?

– Он был здесь. В зале. Он смотрел шоу.

– Спектор? Я об этом не знал.

– Я увидел его мельком перед тем, как двери открылись. Я хотел поговорить с ним, хотя бы представиться, но не смог улучшить момент.

– Хук! – прикрикнул Флинт, и из-за колонны бесшумно возник молодой человек, предположительно заместитель Флинта. – Возможно, Спектор здесь. Ты его не видел?

– Он в фойе, сэр.

– Ну, и чего, в таком случае, ты ждёшь? Немедленно приведи его! – Когда Хук кинулся на поиски старого фокусника, Флинт пробормотал: – И после этого кто-то ещё удивляется, что у нас ничего не выходит... – Затем его вдруг поразила мысль. – Хук! Вернись-ка к нам на минутку.

Хук вернулся назад.

– Как насчёт крыши? – поинтересовался Флинт. Спросил он у Паолини и остальных. – Мог ли кто-нибудь пробраться сюда через неё?

– Я полагаю, это возможно, – отозвался старик в безрукавке, Дрейпер. – Здесь есть выход к потолочному люку. Но Коуп, осветитель, определённо заметил бы злоумышленника. И к тому же есть только один способ добраться до люка снаружи. В переулке к стене привинчена лестница. При помощи неё на крышу поднимаются рабочие, когда там нужно что-нибудь сделать.

– Значит, даже если осветитель мог отсутствовать на положенном месте, кто-нибудь из прохожих на улице заметил бы человека, карабкающегося вверх по стене театра?

– Скажем так, инспектор: теоретически, кто-то мог залезть и вылезти через световой люк, оставшись незамеченным. Но только в том случае, если этот «кто-то» в состоянии не потревожить внимание Коупа, следящего за световой установкой. И если бы этому «кому-то» взбрело в голову подниматься по наружной лестнице, это почти наверняка не осталось бы без постороннего внимания.

– А если принести свою собственную лестницу и установить её в каком-нибудь другом месте? У другой стены, я имею в виду?

– Это возможно. Но опять же, как, по вашему мнению, это произошло? Вы думаете, что этот тип, этот «Варга», пробрался сюда своим ходом и один из нас прикончил его? Если это так, то куда делась лестница? Или вы считаете, что кто-то убил человека в каком-то другом месте, затем притащил труп сюда, взобрался с ним на крышу и спустил за кулисы через световой люк? Мне с трудом верится, что никто снаружи не заметил этого.

– Он прав, сэр, – встрял сержант Хук. – Я тоже заметил лестницу на стене, когда мы приехали.

– Хм. Я и не спорю, – признал Флинт. – Но всё равно, я хочу туда, наверх, отправить пару ребят, чтобы они хорошенько осмотрелись. И, разумеется, нужно допросить осветителя, как его звали?

– Коуп, – напомнил Дрейпер. – Уилл Коуп.

– Отлично. Займись им, Хук, как только отыщешь Спектора.

– Как скажете, сэр, – и Хук скрылся из виду.

– И вот как всё началось, – произнес тихий голос, вынудивший Иббса подскочить на месте. Он развернулся и оказался лицом к лицу с объектом их обсуждения, Джозефом Спектором собственной персоной. Пожилой мужчина, должно быть, скрывался в каком-то из укромных уголков зала, пока его коллеги-иллюзионисты и прочие зрители в спешке покидали помещение.

– Спектор, – поприветствовал Флинт, – ну слава богу. Я и не предполагал, что когда-нибудь буду настолько рад тебя видеть.

Двое джентльменов обменялись рукопожатиями, и между ними мгновенно расцвело сердечное дружелюбие. Похоже, они были тесно знакомы.

– Это Эдвин Иббс, – представил Флинт.

– Эдмунд, – поправил Иббс. – Я ваш большой поклонник, мистер Спектор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.